

ПРОЦЕСС ИНДИВИДУАЦИИ В "ЭОНЕ"

Введение

ЛЕНИВЫЕ ЛЮДИ ПРИЛАГАЮТ БОЛЬШЕ УСИЛИЙ! Я выбрала "Эон" из числа тем, предложенных мне, потому уже работала над ним до этого, но вскоре увидела, что лекции до публикации книги и после – нечто совершенно различное. Поэтому я решила – за исключением нескольких страниц введения – начать сначала и передумать их от А до Я. Я практически не буду зачитывать ничего из книги на сей раз, вместо этого я приготовила краткое изложение каждой главы собственными словами, но я хочу подчеркнуть, что это никоим образом не заменяет чтения книги. Это не университетский курс, поэтому я не могу заставить вас работать вне и помимо лекций, но я думаю обсуждение было бы полезно, если вы, прочитав следующую часть текста, подготовите вопросы, которые вам хотелось бы обсудить.

Поэтому я предлагаю, прежде чем мы начнем обсуждать каждую главу, прочитать небольшое резюме, в котором я пытаюсь извлечь основную линию – больше похожую на "кошачьи глаза", позволяющие машине не вылететь с дороги – а затем задать мне один-два вопроса или прокомментировать сказанное мной для того чтобы начать обсуждение, потому что я уверена, что в случае с такой сложной книгой, какой является "Эон", понимание может прийти только в результате обсуждения.

Одна вещь о которой я бы хотела упомянуть с самого начала – сжатость (краткость) – я использовала, возможно, десяток слов там, где Юнг использовал тысячи – я преподносила вещи гораздо более жестко и откровенно, чем это делал Юнг. Мне ясно, что в целом в книге "Эон" значительно больше такта, чем у меня. Как я сказала ранее, я только пыталась наметить основную линию и если временами я, таким образом, была недостаточно умна и это оскорбляет вас, то пожалуйста обвиняйте меня, но не Юнга, за то что он использовал целые страницы, чтобы объяснить и подвести к

определенным выводам, там где я просто даю их целиком, вне контекста. Я сожалею об этом, но резюме должно быть коротким и я не вижу как этого можно избежать.

Другая вещь, о которой мне хотелось бы сказать – в предисловии Юнг говорит, что после публикации "Психологии и Алхимии" его настолько часто просили "обсудить отношения между традиционной фигурой Христа и естественными символами целостности (самости)", что он решил сделать это. Но он говорит, что такое начинание требует знаний, которыми он обладает в весьма ограниченной степени. Я уже упоминала о своей гораздо более значительной ограниченности и очевидном дефиците, когда речь идет о разнице в знаниях. Вы будете, я в этом просто уверена, задавать мне вопросы, на которые я не смогу ответить. Я могу только сказать, что постараюсь откровенно признать своё незнание и, если вопрос очень важен для того, кто его задает или для всего класса, я приложу все усилия, чтобы найти ответ на него к следующей лекции.

Книга "Эон", опубликованная в 1951 году, фактически написана позже, чем основные положения Великого Делания Юнга – "Mysterium coniunctionis", хотя последняя работа была неоконченной и опубликована лишь спустя несколько лет после "Эона". Юнг однажды сказал мне, это потому что "Mysterium coniunctionis" имеет дело с обобщающей и наиболее сложной темой объединения противоположностей, и хотя он имел намерение просто завершить этот труд, постоянно находил, что обязан рассмотреть целый ряд вопросов, до того как противоположности будут объединены. Один из таких вопросов и рассмотрен в "Эоне". В противопоставление двум довольно объемным работам, написанным на немецком языке в этот же период ("Символика духа" и "Психология бессознательного") и состоящим из переработанных более ранних лекций "Эранос", "Эон" был абсолютно новой работой и в целом гораздо более органичной, чем его непосредственные предшественники.

Частично четвертая и пятая глава содержит материалы из лекций "Эранос", но этот факт был слишком преувеличен в предисловии переводчика. "Эон" был написан перед "Ответом Иову" и статьей "О синхроничности", которые также были целиком новыми работами. "Психология переноса" изначально была частью "Mysterium coniunctionis", но была опубликована самостоятельно перед публикацией "Эона".

Название книги – "Эон" – это имя бога, который являет собой принцип творческого потенциала времени. Этот бог играл важную роль в митраистской религии, а также в позднеантичный период и в Риме. В музее Ватикана есть две известные статуи этого бога. Эон можно было бы назвать персонификацией космоса как живого универсума – на современном языке – архетипической персонификацией принципа синхроничности.

Книга состоит из двух частей. Юнг говорит в предисловии: "В то время как вклад моей коллеги, доктора Марии-Луизы фон Франц, описывает психологический переход от античности к христианству путем анализа "Страстей св. Перепетуи", моё собственное расследование ищет способы пролить свет на изменения в психическом состоянии в "христианской зоне" с помощью христианских, гностических и алхимических символов самости".

Обе части очень тесно связаны между собой, так вторая часть рассматривает, то каким образом фигура Христа проникает в процесс ассимиляции бессознательного девочки в те ранние времена, первая главным образом сосредоточена на процессе ассимиляции главного образа Самости, каковым является символ Христа в матрице бессознательного на протяжении всей христианской эры. Поэтому, большая жалость разделять эти части, но я к сожалению вынуждена сделать это, в связи с ограничением по времени. Это, однако, не столь существенно, так как есть английский перевод работы "Перепетуя" от издательства "Spring" (фон Франц 1949) и вы можете сами прочитать и оценить её.

Возможно, для некоторых из вас является довольно туманным то что подразумевается под ассимиляцией (включением) исторического образа или идеи в матрицу бессознательного. В качестве более близкого примера, я могу вспомнить о том, как постоянные студенты Института собрали коллекцию снов о самом Юнге и передали их ему. Это простой пример исследования того, каким образом в матрицу бессознательного людей, заинтересованных в предмете, был ассимилирован или же включен образ Юнга.

Как я упомянула прежде, в "Эоне" рассматривается процесс ассимиляции центрального символа Самости, и я хотела бы привести пример, который появляется в самом конце книги, чтобы дать вам общее представление о том, почему данный процесс длится вечно и почему для него невозможно застыть на месте. Для нас очень трудно понять это, так как наше христианское воспитание было призвано внушить нам, что христианское откровение было спущено нам с небес и будет оставаться таким же неизменным во веки вечные, аминь. Хотя я отказалась от этой идеи десятки лет тому назад, она постоянно возникает в виде скрытых предубеждений, которые успешно используются анимусом в его негативном аспекте.

В последней главе "Структура и динамика Самости" Юнг приводит две гностические и другие четверичности, чтобы проиллюстрировать эту тему и в конце-концов скомбинировать их в интересную, но довольно сложную формулу. Он говорит: "Наша формула представляет собой символ самости, поскольку самость — не просто некая статическая величина или постоянная форма, но также и динамический процесс. Подобным образом, древние рассматривали *imago Dei* в человеке не как простой отпечаток или безжизненный стереотип, но как активно действующую силу. Четырьмя трансформациями представлен процесс восстановления или омоложения, происходящий как бы внутри самости, —

процесс, сравнимый с углеродно-азотным циклом трансформаций, происходящих на солнце, когда ядро углерода захватывает четыре протона (два из которых немедленно превращаются в нейтроны), а в конце цикла высвобождает их в виде альфа-частиц. Само же углеродное ядро выходит из реакции в неизменном виде, "как Феникс из пепла". Секрет существования — то есть, существования атома и его компонентов, — вполне может состоять в непрерывном повторении процесса омоложения; к весьма сходному выводу мы приходим и тогда, когда пытаемся объяснить нуминозность архетипов".

Когда кто-то осознает идею движения и изменений, которые постоянно имеют место в динамическом процессе индивидуации, и помнит, что в любом случае архетип в целом находится вне нашего понимания, он также осознает идею того, какими различными должны быть символы, которыми человечество пытается объяснить необъяснимое в различные эпохи и в разных местах. И все же ядро, как Феникс или атом углерода, остается по существу тем же самым, и когда кто-то ощущает дуновение, если так можно выразиться, его сущности, он посознает, что это один и тот же архетип. "Эон" предоставляет лучшую возможность ощутить это дуновение, которую только может дать книга. Столь велико неисчислимое количество его аспектов, на протяжении всей христианской эры, что нужно последовать совету древних алхимиков — прочесть множество книг, чтобы понять о чем в действительности они все. Кроме того, он касается механизма возникновения различий между официальными христианскими символами и более эмпирическими, естественными символами целостности, которые возникают извне или которые компенсируют христианскую догму. Как вы знаете, юнгианская психология соотносит образ Христа, равно как и образ Будды с образом Самости, хотя христианам зачастую не нравится такая формулировка и они скорее склонны представлять Самость как символ Христа. Рассматривая вопрос эмпирически, с более широкой точки зрения, мы однако не находим подтверждения

последней точке зрения, хотя для любой религии достаточно естественно рассматривать свои символы как единственно истинные, что таким образом сужает видение проблемы с самого начала.

Но несмотря ни на что, Христос – определенно наиболее важный символ Самости для нас, потому что он наш символ Самости, с которым мы выросли, не важно было ли наше образование христианским или нет, он у нас в крови, в нём корни нашей культуры. Мы будем долго обсуждать это, когда подойдем к предмету данной книги, но я хотела бы уже сейчас отметить, что когда Юнг осознал, что для завершения работы над "Mysterium coniunctionis" ему необходимо рассмотреть целый ряд вопросов, в том числе ему пришлось разобраться в символике Христа значительно глубже, чем он это делал до сих пор, так как это абсолютно необходимо для понимания всей западной цивилизации.

Книга "Эон" дает изумительную картинку того пути, который прошло человечество за последние две тысячи лет, пытаюсь иметь дело с нуминозностью архетипа богочеловека, последним всемирным символом которого является Христос.

Возможно, можно было бы довольно приблизительно разделить такие усилия на попытки установить догму (хорошо понятные усилия получить нечто постоянное и незыблیمое, на что можно опереться в любых опасностях или суматохе жизни) и попытки испытать тайну (мистическое переживание) непосредственно. Первое только становится негативным, когда используется для подавления последнего или теряет собственный смысл. Догма всегда находится в опасности превращения в "вы должны" или "все должно оставаться таким как оно есть", но все же её изначальное содержание многозначно, и Юнг прилагает большие усилия, чтобы открыть глаза богословов, на тот факт, что содержание их догмы все еще эффективно, все еще нуминозно и

только их язык, их приверженность к внешней форме делает её абсолютно бессильной и беспомощной сегодня. Это желание оставить все как есть, жестко и навсегда закрепить важнейшие моменты Юнг находит уже у ранних отцов церкви, и поэтому он обращается к алхимикам и гностикам, которые всегда были более склонны обращаться к непосредственному опыту. Эти две тенденции глубоко укоренились в человеке, так как мы находим их в абсолютно разных местах. На Дальнем Востоке дзен-буддизм играет практически ту же роль, что алхимия и гностицизм на Западе, опираясь на непосредственный опыт и часто отвергая догму гораздо более безжалостно, чем его западные аналоги.

Ясно, что тенденция к обретению прямого и непосредственного опыта останется более близкой к архетипу, который, кажется, постоянно самообновляется в матрице бессознательного, чем любая установленная и зафиксированная догма, поэтому понятно что в "Эоне" в основном рассматриваются гностицизм и алхимия, которые были компенсаторным подводным течением в противоположность церкви и её догме, правящим на поверхности. Гностики в большей мере были интеллектуалами – они ломали голову и размышляли над тайнами, мистериями и произвели на свет множество глубоких и оригинальных мыслей. А алхимики в большей мере стояли на практических (эмпирических) позициях, хотя конечно были личности, которые занимались и тем, и другим. Например, Дорн – алхимик семнадцатого века, с одной стороны, глубокий мыслитель, ломавший голову над множеством проблем, которые он не понимал, точно так же как и гностики, с другой стороны, весьма практичный и осознавший, что в алхимическом делании ничто не может быть достигнуто, прежде чем ты достигнешь этого внутри себя.

Вас может удивить, что в "Эоне" очень много астрологии, особенно если вы лично не очень интересуетесь ней, но тут следует помнить, что "Эон" был написан перед статьей Юнга о синхроничности, а астрология по существу базируется на принципе

синхроничности и могла бы быть определена как подбирающаяся к осознанию свойств во времени. Если сказать проще: синхроничные события имеют свойство приходить тогда, когда архетип приближается к сознанию. Это порождает неказуальные связи между образами и событиями, которые происходят как с отдельными личностями, так и с целыми группами людей. Архетип существует вовне и в разные времена, не завися при этом ни от времени, ни от пространства, и в работе "Эон" в основном разбирается вопрос, каким образом архетип Самости, образ которого для нас в основном связывается с образом Христа, был включен не только в матрицу нашего бессознательного, но и в наше сознание. Время играет важнейшую роль в этом процессе ассимиляции, и мы видим медленные длительные изменения в архетипическом образе, которые особенно хорошо отражаются в нашем прохождении первой и второй рыбы, в астрологическом знаке рыб.

Нам ясно видно, то что было подходящим и абсолютно верным в период средневековья, не соответствует сегодняшней действительности. Это как-будто нам нужно свериться с мировыми часами, чтобы понять где мы находимся духовно. В своей последней работе "Человек и его символы" (1964) Юнг приводит серию снов, приснившихся 12-летней девочке. Они полны самых экстраординарных архетипических мотивов, главным образом о смерти и возрождении. Девочка приближалась не только к половому созреванию, но и к смерти, так как она умерла годом или двумя позже. Без понимания того, где она находилась духовно, эти сны были бы абсолютно необъяснимы.

Когда дело доходит до процесса индивидуации, вся схема здравого смысла подходит к окнцу. По принципу, например, двенадцатилетней девочки, которая только вступает в жизнь и все должно говорить об этом. Но в её снах нет ничего подобного; они – подготовка к смерти, и если бы она подверглась анализу, который однако не был произведен, любой бы отметил отсутствие

общих правил, характерных для её возраста. Мы можем только стремиться увидеть свойства, характерные данной личности в конкретный момент времени, что равносильно изучению истории.

Когда вы пытаетесь ассимилировать архетипический образ, вы контактируете с чем-то, что находится вне времени, поэтому в данном процессе обязательно присутствуют и прошлое, и будущее. Вот почему методам, таким как И-Цзин или астрология, призванным иметь дело с конкретным моментом времени, присущи пророческие качества, и это всего лишь два примера из множества существующих.

Поскольку этот курс называется "Процесс индивидуации в "Эоне", вы можете упрекнуть меня в том, что я довольно редко упоминаю данный термин в процессе рассмотрения. Это потому что вся книга рассматривает исключительно процесс индивидуации. Включение образа Христа, символа нашей Самости, одновременно и в матрицу бессознательного и в сознание, по-существу и является процессом индивидуации, движением от одностороннего Эго к цельной личности. В первых четырех главах Юнг объясняет процесс индивидуации в своей собственной терминологии, как мы видим это сейчас, в следующих главах как это видели отцы церкви, более поздняя церковь, алхимики и, наконец, гностики.

Касательно первых четырех глав хочется отметить, что их не было в "Эоне", в том виде, в котором он был изначально написан Юнгом. Они были добавлены задним числом. После того как книга была написана, Юнг осознал, что книга может быть непонятна тем, кто не знаком с его психологией, и он добавил очень ясное описание Эго, Тени, Анимуса, Анимы и Самости. Он описал эти понятия не с интеллектуальной точки зрения, но с точки зрения ощущений и опыта. Они стали, я зачастую думаю, наиболее ясным и доступным из всех объяснений его психологической теории, особенно вторая и третья глава. Они приносят весьма желанную простоту, так как я

уже говорила, что трудно отрицать тот факт, что "Эон" является одной из самых сложных для понимания работ Юнга.

Глава 1. Эго

Я резюмировала первые четыре главы особенно кратко, так будто вы знакомы с основными положениями юнгианской психологии. А эта глава, возможно, самая сложная из четырех вводных, и мы оказались в положении Барона Мюнхгаузена, который должен был сам вытащить себя из трясины за волосы!

Эго — комплексный фактор, который вне всяких сомнений является центром всей личности, центром сознания и ничто не может попасть в сферу сознания, пока не будет связано с Эго. Теоретически сознание не имеет границ, практически же чрезвычайно ограничено, так как резко останавливается, когда достигает неизвестности, не важно будь это во внешнем или внутреннем мире (пар. 1ff).

Эго покоится на двух очевидно различных основаниях: соматическом и психическом, состоящих одновременно из сознательных и бессознательных факторов. С одной стороны можно сказать, что Эго целиком находится в сфере сознания, с другой — в совокупности содержимого бессознательного. Последнее можно разделить на три группы: 1) то, что может быть воспроизведено произвольно (память); 2) то, что не может быть воспроизведено произвольно; 3) то, что пока не было в сфере сознания или никогда не будет. Эго, таким образом, находится целиком в области сознания, но, конечно, не идентично ему. Это только его точка отсчета, ограниченная соматическим фактором (пар. 8ff).

Хотя освания эго и среда, в которой оно находится, относительно неизвестны, оно является само по себе частично сознательным фактором и даже развивается в ходе человеческой жизни, очевидно в результате столкновения соматических факторов и окружающей среды и даже внутренних факторов (уже в детстве,

когда мы впервые произносим «Я») и продолжает развиваться в ходе дальнейших столкновений внешнего и внутреннего мира.

Юнг назвал целостную личность Самостью, в которой Эго является всего лишь частью, и в то время как наша свободная воля сталкивается с фактами окружающего мира, одновременно внутри она сталкивается с фактами Самости, и так же как внешние события происходят с нами автоматически, точно также Самость воздействует на Эго, как объективный фактор, который гораздо сильнее нашей свободной воли, и мы готовы принять этот факт в большей или меньшей степени. Свободная воля определяется Юнгом, как либидо находящееся в распоряжении у Эго (пар. 9).

Возможно только ограниченное, формальное описание Эго, потому что при любом реальном описании придется принимать в расчет индивидуальность, что приведет к различным результатам в каждом конкретном случае. И хотя компоненты везде одни и те же — их ясность, эмоциональная окраска и широта охвата — отличны в каждом случае. Каждое Эго, насколько об этом можно судить, индивидуально и более того уникально, хотя его стабильность является относительной, так как иногда происходят далеко идущие изменения в личности. Изменения такого рода далеко не всегда являются патологическими, они могут относиться к развития личности и таким образом быть целиком нормальными (пар. 9).

Эго — как точка отсчета играет важнейшую роль и неудивительно, что предрассудок о том, что оно является центром личности, процветало очень долго и упорно сохраняется по сей день. Но с тех пор как экспериментальным путем было доказано существование психе вне сферы сознания, абсолютная роль Эго стала относительной. Невозможно сказать насколько мало или велико влияние Эго, но, конечно, неразумно недооценивать его зависимость от бессознательного (пар. 10).

Мы видели, что бессознательное с точки зрения психологии сознания делится на три группы, но с точки зрения психологии личности существует двоичное деление на личное и коллективное бессознательное. Первое принадлежит конкретной личности и может быть осознанным, в то время как последнее одинаково везде, в любом из нас. Конечно, это только гипотеза, но она навязана нам природой эмпирического материала, точно так же, как инстинкт, который проявляясь в личности, является частью общей инстинктивной основы (пар.11)

Глава 2. Тень

Эта глава, несмотря на свою краткость, дает нам наиболее ясное описание того, что есть Тень в работах Юнга.

За исключением довольно редких случаев, когда люди находятся под давлением обстоятельств, тень является *par excellence* моральной проблемой, которая бросает вызов личностному эго в целом (пар. 14). (За тридцать лет я видела множество людей которые приходили и уходили ни с чем, кроме тех, кто был готов столкнуться с собственной тенью, чтобы продолжить свое развитие). Осознание этого означает кропотливую и болезненную работу, однако при этом довольно простую, так как личная Тень находится в личном бессознательном. Основная сложность здесь состоит в присутствии эмоций. Эмоция не является собственной активностью человека, но чем-то, что происходит с ним, когда его адаптация слаба, и она приводит к навязчивым состояниям или даже целиком овладевает им. Здесь, однако, возникает противоречие — имея возможность сознательного цивилизованного поведения, мы ведем себя как дикари, которые являются пассивными жертвами своих аффектов и просто не способны к моральным суждениям. Мы ведем себя так в ситуациях, где наша адаптация слаба (пар. 15).

Хотя значительная часть Тени может быть легко, пусть даже и болезненно, ассимилирована, остаются проекции, которые упорно сопротивляются этому процессу. Юнг отмечает, что признание наличия таких проекций, является большим моральным достижением.

Проекции изолируют нас, окружая завесой иллюзий, которая полностью искажает наше представление о реальности. Так например, один сорокапятилетний пациент однажды сказал: «Ну не могу же я признать, что впустую потратил лучшие двадцать пять

лет своей жизни». Трагическое зрелище наблюдать как человек разрушает свою собственную жизнь и жизни других людей, не будучи способным осознать, что он сам является причиной трагедии. Это объясняет факт существования множества людей старшего поколения, с которыми просто невозможно наладить контакт (пар. 18).

Большая сложность состоит в осознания того, что Тень помимо прочего загрязняется воздействием анимуса или анимы. Тень всегда одного пола с человеком, но есть знаки противоположного пола, которые свидетельствуют о присутствии анимуса или анимы. Они намного более автономны и, следовательно, выходят гораздо дальше за сферу нашего понимания, чем персональная Тень. Но за личной Тенью стоит архетип Тени, и если признание относительного зла личной Тени является довольно легким, то столкновение с абсолютным злом становится поистине устрашающим опытом (пар. 19).

Я хочу прокомментировать последнее утверждение. Можно понять и даже принять мотивы ревности, престижа или эгоизма в себе и в других людях, но иногда, в основном в состоянии психоза, когда заглядываешь в лицо абсолютного зла, это становится абсолютно сокрушительным. Существуют люди, у которых нет морального тормоза, даже перед убийством, например, и которые с абсолютно серьезным лицом заявляют, что молиться о чьей-то (возможно даже собственной) смерти. Это действует сокрушительно, потому что в данном случае ты сталкиваешься лицом к лицу не с человеческим существом, а с дьяволом собственной персоной. Достаточно вспомнить газовые камеры в концентрационных лагерях, чтобы увидеть лицо абсолютного зла, неприкрытое и бесстыдное.

Глава 3. Сизигия: Анимус и Анима

Продолжим, эта глава снова содержит одно из наиболее ясных описаний Анимуса и Анимы, которые Юнг когда-либо давал. В начале рассматривается комплекс матери, который настолько важен, что я перевела этот материал сразу же после его выхода на немецком языке и предоставила его всем «пожирающим» матерям и «съеденным» сыновьям, которые работали со мной. Как женщина я выразилась таким образом, но Юнг ясно дает понять, что в данном случае вина равномерно разделена между обеими сторонами. Мать всегда стремится обернуть сына в вату и сыну всегда напоминает обо всем, что мать может для него сделать, поэтому он не способен продолжать прилагать усилия к завоеванию сопротивляющегося мира, и возвращается к надеждам, что все что он хочет, будет дано ему, как в ранние дни его жизни, матерью. Ни один из них не хочет продолжения такой ситуации отношениях, но слишком часто они оба непонятным для себя образом оказываются захвачены в плен восхищения *иерогамией*, древним священным образом брака между матерью и сыном (20ff).

Проекция анимы на образ матери может быть устранена мужчиной только если он сможет осознать, что образ в его психе не идентичен образу матери, но также включает образы сестры, любимой женищины, дочери и даже, выходя за круг привычных смертных фигур, образы небесной богини или хтонической Баубо. Этот образ анимы представляет собой верность, которая в жизни зачастую не дает мужчине оставаться рядом с одной и той же женщиной, чаще всего матерью, сталкивая его таким образом с самыми страшными парадоксами в его жизни, и она таким образом является фактором, который только вследствие своей огромной опасности, может поднять на поверхность все, что таится внутри него. Она требует от мужчины огромных усилий, но если он найдет их в себе, она будет только способствовать ему (пар. 24).

Юнг говорит, что при обсуждении Анимы он целенаправленно использует драматический и мифологический язык, так как она не поддается рациональному научному языку. Мы часто пытаемся опровергнуть её существование, это верно, но только чтобы понять или сделать очевидным для нашего окружения, что мы попали ей в руки, что она захватила нас сзади, в то время когда мы пытались окончательно доказать, что она является не более чем теоретической выкладкой (пар. 25).

Анима — не измышление сознания, но спонтанный продукт бессознательного, ужасающе автономный, и скомпенсированный в женской психологии образом Анимуса. Так же как мать является первой носительницей данного архетипа в мужчине, аналогичным образом отец становится первым носителем данного архетипа у женщин. Анимус соотносится с отцовским логосом, точно также как Анима с материнским эросом. Так же как эрос менее развит в мужчинах чем логос, так и логос кажется не более чем досадной ошибкой в женщинах, чья истинная сущность проявляется в отношениях. Он почти целиком состоит из мнений, а не из размышлений, что приводит к полному непониманию со стороны окружающих. Анимус ужасный спорщик, поэтому здравомыслящий мужчина может быть доведен до полного отчаяния и может превратиться в Анимуса собственной Анимы и спорить как женщина. Нельзя сказать, что единственным источником подобных ситуаций является Анимус; мужчина абсолютно также может стать раздражителем благодаря капризам, личному тщеславию или раздражительности его Анимы. Анимус вызывает в Аниме и наоборот или влюбленность друг в друга (особый вид любви с первого взгляда), или же бесконечные и бесплодные споры (пар.26ff).

Как в позитивном, так и в негативном аспектах отношения предопределяются враждебностью взаимоотношений Анимуса-Анимы, они развиваются сами по себе, а в результате люди никак

не могут понять, что же произошло. Просто сознание было подчинено мощному суггестивному влиянию архетипа (пар. 34) .

Как было сказано ранее, гораздо проще понять и проникнуть в Тень, нежели в Анимус и Аниму. Все наше воспитание говорит о том, что мы не стопроцентное чистое золото, но не существует подобного воспитания в отношении Анимуса и Анимы, и мы так привыкли к мужчинам выказывающим иррациональные капризы и женщинам устанавливающим иррациональные мнения, что мы даже сомневаемся стоит ли вмешиваться столь глубоко в наше естество, пробуждая вещи которым было бы лучше крепко спать, пытаясь осознать их (пар. 35).

Когда мы признаем, что проекции, вызванные Анимусом или Анимой, должны быть разрушены, для того чтобы мы смогли увидеть реальность такой как она есть, мы становимся на новый путь, а моральные и интеллектуальные усилия, которые нам придется приложить, чтобы преодолеть проекции, поистине огромны. Наивное детское суждение о том, что «мы знаем о чем мы думаем», должно быть отброшено полностью, и мы должны вступить в новый мир психологического эксперимента (пар. 39).

Автономия коллективного бессознательного проявляется через образы Анимуса и Анимы. Если существует гармония между сознанием и бессознательным, они подобны двум взаимосвязанным функциям, но напряжение между сознанием и бессознательным мгновенно персонифицирует их и они ведут себя как абсолютно автономные фигуры или даже как демоны. И мы не должны никогда забывать, что несмотря на то что их эффекты и содержание могут быть осознаны, они сами остаются факторами выходящими за рамки сознания, архетипами, которые никогда не могут быть интегрированы или подчинены воле человека. Они всегда остаются автономными факторами, с которыми мы должны считаться. Мы никогда не сможем справиться с нашим бессознательным, приручить его раз и навсегда, но если бы даже и

могли, то превратились бы в однобоких монстров. Мы можем, конечно, нациться жить с Анимусом и Анимой, поощрять их на борьбу с узостью нашего сознания, но мы никогда не сможем устранить их (пар. 40).

Они по-настоящему, как говорит Юнг, довольно буквально назывались отцом и матерью всех драматических и даже катастрофических запутанностей судьбы и довольно долго воспринимались как таковые, как божественная пара, в которой он в связи с его природой логоса, отождествлялся с пневмой, nous (греч. Разум) или Гермесом, она же в связи с её природой эроса, отождествлялась с Афродитой, Селеной, Персефоной и Гекатой. Древние, осознавая их истинную природу довольно верно, называли их богами, и мы всё лучше понимаем, что их сила увеличивается в той степени в которой она остается бессознательной, точно также, как может широко распространиться эпидемия тифа, пока не обнаружен её источник. И хотя древние греки представляли их более гибко, Анимус и Анима присутствуют и в христианстве, фактически занимая самое высокое положение Христа и его невесты — церкви. Такие параллели помогают нам осознать огромное влияние, которое имеют эти две фигуры, дополняя нашу сознательную жизнь (пар. 41).

Тень должна быть осознана прежде, чем мы увидим Анимуса и Аниму. Так же как тень осознается через отношения с партнером, точно так же и анимус, и анима нуждаются в отношениях с партнером противоположного пола, и только через призму таких отношений мы увидим или ощутим их влияние. Это приводит нас к триаде, четвертым недостающим элементом которой у мужчины является мудрый старец, а у женщины — хтоническая мать, и это подводит нас к следующей главе о Самости (пар. 42)

Глава 4. Самость

Рост самопознания, вызванный исследованиями Тени, Анимуса и Анимы, и более того отторжением всяческих проекций, приводит к значительным изменениям в персональном Эго.

В действительности, это бесконечный процесс, который может вызывать как позитивные, так и негативные эффекты. Результат зависит главным образом от Эго, которое должно быть, с одной стороны, прочно внедрено в область сознания, с другой стороны, способно различать автономные фигуры бессознательного и учитывать их постоянное влияние на сознание. Если оба эти необходимые условия отсутствуют, это легко может привести к психической катастрофе: либо Эго будет полностью ассимилировано Самостью или наоборот, либо это приведет к опасной, даже катастрофической, инфляции (пар. 44).

Определенные достоинства, такие как внимательность, добросовестность, терпение, и так далее, здесь обязательны с моральной точки зрения, так же как точное наблюдение за бессознательным и объективная самокритика – с интеллектуальной. Это постоянное лавирование между Сциллой и Харибдой: мы не можем позволить себе принести сознание целиком в жертву бессознательному и наоборот, но должны всегда удерживать баланс между ними настолько, насколько это вообще возможно (пар. 46).

Это неизбежно приведет к страшному конфликту долга. Настоящая мораль начинается там, где заканчивается криминальный кодекс. Высший авторитет может быть назван «божественной волей», или как Оксфордский словарь определяет «божественное воздействие» – «действие неконтролируемых сил природы». Это последнее определение хорошо подходит современному рационализму, в то время как первое более созвучно с обычаями наших предков, формами их психической жизни (пар. 48 ff).

Психология — единственная наука, которая не может рассматриваться только при помощи интеллекта, ведь она не может быть объята разумом целиком, во всей своей полноте, так как интеллект — бог современного сознания — вне своей области великий жулик и обманщик. Он ничего не знает о чувственной ценности, например, а последняя имеет первостатейную важность в психологии. Интеллект и чувство трудно соединить в союзе. Однако, мы зачастую пытаемся сделать это, и мужчина восстает против своей Анимы, а женщина против своего Анимуса, и проблема такого столкновения является необходимым условием для открытия пути к высшему союзу, *coniunctio oppositorum* или же к Самости. И не существует возможности избежать подобного столкновения, так как оно является обязательным условием для обретения целостности (пар. 53 ff).

Целостность, даже с её символами мандалы, может с первого взгляда показаться довольно абстрактной идеей, но это нечто существующее, что может быть воспринято опытным путём. В действительности, она просто должна быть воспринята через опыт, и никак иначе познана быть не может. Мы можем прочитать все симптомы тяжелой болезни, например, но только человек перенесший её, знает каково это на самом деле (пар. 59).

Психические факты не могут быть описаны, они могут быть только пережиты на личном опыте, и страх перед бессознательным гораздо более широко распространенное явление, нежели мы себе это представляем, поэтому всегда найдутся критики, отрицающие его существование. «Не существует такого животного» (говорили об утконосе) и со спутниками Юпитера, было то же самое, когда во времена Галилея отрицали само их существование, несмотря на очевидные факты (пар. 61).

Вне психологии образы Тени, Анимуса и Анимы, Самости встречаются людям, хотя бы немного знакомым со сравнительной

мифологией. Они воспримут Тень, неразрывную прау и, наконец, Самость как эйдос (базовый паттерн), стоящий за верховенствующими идеями единства и всеобщности (пар. 63).

Эти параллели важны для так называемых метафизических понятий, которые утратили связь со своими корнями в натуральном опыте, и нам необходимо увидеть их снова в их подлинном первоначальном значении. Настоящая проблема — понять, что эти так называемые метафизические идеи значат сегодня. «Как это Христос своей смертью дал нам спасение, если никто не чувствует себя спасенным?» и так далее, идея Иисуса Христа как богочеловека, идея святой Троицы, Тайная вечера и прочее. Подавляющее большинство людей даже не представляют как подобные идеи могут быть связаны с материальным миром, в котором они живут (пар. 65).

До 1933 года в существование мифологических идей верилось с трудом и сама мысль о них казалась безумной. Но потом миф (Вотан) сломал всю Европу, и с тех пор мы видим, что мир мифов жив как и прежде, и был абсолютно не тронут веками разума и просвещения. Подлинный результат здесь — *antimimon pnevma* (Дух подражательности (греч.) — Прим. пер.) лживый дух высокомерия, истерии, помрачения рассудка, криминального аморализма и доктринального фанатизма, в изобилии поставляющий поддельные духовные ценности, нелепое искусство, философскую болтовню и утопическую чушь, пригодную разве что для скормливания нынешнему неразборчивому массовому потребителю. «Именно так» — говорит Юнг, завершая данную главу: «выглядит пост-христианский дух» (пар. 67.)

Глава 5. Христос как символ Самости

Теперь мы подошли к основной теме книги.

Люциферические дни, в которые мы живём, часто – с разных точек зрения – сравниваются с эсхатологическими событиями, предсказанными в Новом Завете. Явление противоположности Христа – Антихриста – и узурпация им власти ясно предсказаны в Апокалипсисе, показывающем, что христианская анима уже с самого начала хорошо знала, что энантиодромия ожидаема и неизбежна (§68).

Христос – всё ещё живой культурный миф нашего времени. Он герой нашей культуры, он у нас в крови, как бы мы ни были воспитаны. Он центр нашей мандалы, и – знаем мы об этом или нет – он в нас и мы в нём. Его царствие небесное – символ труднодостижимого сокровища и драгоценной жемчужины – Самости (§69).

В нашу эпоху Христос по-прежнему представляет архетип Самости. Он представляет божественную целостность, не испорченную грехом. Именно такие описания Христа мы находим в сочинениях большинства старых отцов церкви, пространные цитаты из которых приводит Юнг: Тертуллиана, св. Августина и т.д. Юнг говорит: «Нет сомнения, что изначальная христианская концепция *imago Dei* (образа Божия) воплощается в Христе, обозначающем всеобъемлющую целостность, которая включает даже животную сторону человека. Но тем не менее символу Христа недостаёт цельности в современном психологическом смысле, он не включает тёмную сторону, но с самого начала отделяет её как Люцифера, противника Христа» (§74).

Это было полностью осознано, но очень рано разбавлено доктриной *privatio boni* (лат. лишение добра), впервые

провозглашенной Оригеном (185-254 гг. н.э.). Зло было лишено его сущности посредством представления о том, что оно всего лишь случайное отсутствие добра, и было подготовлено основание для разрушительной идеи, согласно которой «всё хорошее принадлежит Богу, а всё зло – человеку» (Татиан, второй век н.э.) (§74).

Следует подчеркнуть, однако, что именно отцы церкви старались обеспечить светлую целостность Христу с помощью доктрины *privatio boni*. Гностики пытались найти решение проблемы зла, опираясь на гораздо более широкую основу, чем ортодоксальная церковь. Они были гораздо ближе к пониманию психологической истины о том, что добро и зло – две равноправные противоположности, такие как свет и тьма, тепло и холод. Ирений, к примеру, описывает гностическое учение о том, что Христос отсек от себя свою тень – идея, которая напрямую ведёт к Антихристу, и все мы страдаем от его рук сегодня. Антихрист выведен в легенде как искажающий подражатель, дух зла, который следует по стопам Христа подобно тому, как тень следует за телом (§75).

Если мы рассматриваем Христа как психическую манифестацию Самости, Антихриста следовало бы соотнести с тенью Самости. В эмпирической Самости психологии свет и тьма образуют парадоксальное единство, но в ортодоксальной христианской концепции архетип расщепился на две непримиримые половины, и в конечном счёте это привело лишь к тому, что двойственность, которой отцы церкви старались избежать в доктрине *privatio boni*, была значительно усилена как ответ на манихейскую ересь (§76).

Догматическая фигура Христа настолько безукоризненна и незапятнана, что рядом с ней всё неизбежно становится тёмным, и этот факт был полностью осознан автором Апокалипсиса. Явление Антихриста – не просто пророческое предсказание, оно основано на неумолимом психологическом законе, согласно которому что-

либо слишком светлое сменится затем по принципу энантиодромии своей противоположностью (§77).

Однако этот психологический закон снова и снова забывается и игнорируется. Слабость христианской идеологической позиции в том, что она вновь и вновь стремится к духовным высотам, не вспоминая или не сознавая, что такое одностороннее стремление всегда обречено на столкновение с человеческим земным желанием покорять материю и управлять землёй. Хотя можно вспомнить, что Христос сталкивается с Сатаной прямо в начале своего пути, и мы слышим о «правлении на протяжении тысячи лет» и о «явлении Антихриста», как если бы два царских брата разделили между собой миры, Христос берет себе царство духа, а Антихрист (или Сатана) – царство этого мира (§78).

Подобно тому, как нам следует вспомнить богов античности, чтобы распознать психологическую ценность анимуса и анимы, Христос является ближайшей аналогией Самости и её смысла. Отличительные признаки Христа, несомненно, определяют его как манифестацию Самости, но – с психологической точки зрения – он является лишь одной из двух половин архетипа, другой половиной выступает Антихрист. Оба являются христианскими символами и имеют одно и то же значение Христа, распятого между двумя ворами. Это неизбежно вовлекает нас в распятие эго между этими двумя непримиримыми противоположностями. Конечно, здесь не может быть окончательного уничтожения эго, поскольку это разрушило бы всю возможность самосознания. Однако эго следует подчинить постоянному распятию между противоположностями, их пугающим противоречиям, которые были упомянуты ранее (§79).

Юнг продолжает, говоря о том, что отщепление тени было усилено доктриной *summum bonum* (высшего блага) и *privatio boni* (лишение добра), и цитирует многих ранних отцов церкви на эту тему. Я упомяну только один типичный пример этого: Василий

Великий (IV в. н.э.) утверждает, что зло не имеет собственной сущности и является лишь «увечьем души». Но кто изувечил душу? Юнг говорит: «основной изъян утверждения Василия – это *petitio principii* (предвосхищение основания, принятие с самого начала того, что необходимо доказать в конце), которое приводит его к неразрешимым противоречиям: он основывается сначала на том, что независимое существование зла должно быть отвергнуто, несмотря на вечность существования дьявола, утверждаемую догмой» (§85).

Это действительно основной изъян, который можно заметить во всех многочисленных цитатах из таких отцов церкви, как Иреней, бл. Августин, Иоанн Златоуст и Дионисий Ареопагит. Даже гораздо более поздний Фома Аквинский (XIII в.) заявляет: «Зло не сущность, тогда как добро – сущность» (§91) и «Что-либо является тем более белым, чем менее оно смешано с чёрным» (там же). Он не делает, однако, очевидного умозаключения о том, что «вещь является тем более чёрной, чем менее она смешана с белым».

Я оставляю вам возможность самостоятельно изучить все эти многочисленные интересные цитаты и конец этой части (для этого глава разбита надвое) с заключением Юнга о том, что точно так же мы можем сказать, что полярная зима – это просто недостаток тепла, но это не защитит наши тела от сильнейшего обморожения. Создал ли Бог только тепло? Мы можем согласиться с блаженным Августином, когда он говорит о том, что «все явления хороши», но в самом ли деле они настолько хороши, чтобы это мешало нам видеть их обратную сторону? (§95)

Было бы абсолютно смехотворно говорить о том, что происходило – наподобие концентрационных лагерей – как просто о «случайном недостатке совершенства» (§96). Но психология не претендует на то, чтобы знать, что представляют собой добро и зло сами по себе. Есть более или менее субъективное суждение: добро – это то, что выглядит уместным, приемлемым или ценным

с обычной точки зрения, а зло является его противоположностью. И разумеется, есть вещи, которые являются опасными и даже крайне злыми, и закрывать глаза на этот факт крайне непредусмотрительно – это даёт нам лишь ложное чувство безопасности, которое является не чем иным, как неведением (§97).

Сегодня – с тем состоянием мира, в котором он находится – важнее, чем когда бы то ни было видеть зло, которое скрывается внутри всех нас. Психология – эмпирическая наука и имеет дело с фактами, и критика Юнгом *privatio boni* ведётся лишь настолько, насколько далеко идёт психологический опыт. С научной точки зрения – как всем должно быть ясно – эта идея основывается на *petitio principii*, где то, что выводится в конце, является тем же самым, что положено в основание вначале. Но это очень существенно доказывает человеческую тенденцию давать приоритет добру, всеми правдами и неправдами усиливать доброе и уменьшать злое. Поэтому, с этой точки зрения, *privatio boni* может быть психологической истиной. Но на своём собственном поле опыта хорошее и плохое всегда превращаются в свою противоположность, и одно всегда ведёт к другому (§98).

Этот факт был по достоинству оценён в так называемых «Беседах Климентя» (II в.). Незвестный автор понимает добро и зло как правую и левую руки Бога и рассматривает всё творение как пару противоположностей. Всё, что говорит Юнг об этих «Беседах Климентя», очень интересно, но – поскольку разъяснить это сложнее – я не буду здесь пытаться обобщить это далее.

Юнг говорит в конце, что этот неизвестный автор тесно связан с ранней иудейской христианской церковью, где, согласно Епифанию, мы находим евионитскую идею о том, что у Бога есть два сына, старший из которых – Сатана, а младший – Христос (§103).

После цитирования по большей части «Вознесения Исаяи» Юнг говорит далее о том, что мы можем рискнуть предположить, что проблема образа Бога Яхве, связанная с «Книгой Иова», продолжает обсуждаться в гностических циклах и в синкретическом иудаизме и что христианский ответ – решение в пользу всеблагого Бога – не удовлетворил консервативных иудеев. Внутри христианства доктрина о двух противоположных сынах Бога была продолжена богомилами и катарами, а в иудаизме получила устойчивое выражение в двух сторонах каббалистического Древа Сефирот (§94f).

Юнг цитирует всё новые отрывки из иудейской литературы, которые были собраны для него раввинским учёным Цви Вербловски, который впоследствии не раз читал лекции в Институте. Я не буду вдаваться в подробности этих цитат (некоторые из вас знают эту литературу гораздо лучше, чем я) и позволю себе только общее замечание о том, что у самого Бога, кажется, трудное время в отношении того, чтобы своим милосердием укрощать свой гнев (§106).

Очевидно, каббала повлияла на Якоба Бёме, поскольку в его сочинениях мы находим ту же самую амбивалентность между любовью Бога и «огнём гнева» (§111).

Я часто цитирую на курсах то, что говорит Юнг в начале «Психологии и религии», когда определяет позицию психологии. Он говорит:

«Эта позиция исключительно феноменологическая, то есть она связана с происшествиями, событиями, впечатлениями – словом, с фактами. Её истина – факт, а не суждение. Когда психология говорит, например, о мотиве непорочного рождения, её интересует только факт того, что имеется такая идея; но она не касается вопроса о том, является ли эта идея истинной или ложной в любом другом смысле. Идея – психологическая истина,

поскольку она существует. Психологическое существование субъективно, поскольку идея существует только у одного индивидуума. Но оно объективно, поскольку эта идея разделяется обществом – посредством *consensus gentium* (лат. «согласия народов») (1938, ч. 4).

Поскольку психология не метафизика, нельзя использовать её утверждения, связанные с равнозначными противоположностями, ни для обоснования метафизического дуализма, ни для приписывания его психологии. Здесь не должно быть различия или распознавания без равноправных противоположностей. Но мы не можем делать вид, что эти противоположности являются в то же время *eo ipso* (лат. в силу этого) качеством исследуемого объекта. Больше похоже на то, что именно наше сознание обозначает или даже создаёт эти различия (§112). Я имею здесь в виду – хотя этого нет в книге – тот факт, что вещи, которые выходят за границы осознанности, часто видятся как двойные. Позднее, когда мы их полностью осознаём, они становятся одним. Я думаю – хотя я могу ошибаться – что Юнг имеет в виду что-то в этом роде, когда подчёркивает, что мы можем только различать через противоположности, но ещё не можем достоверно полагать, что они являются качеством объекта, которое каким-то образом находится за гранью нашего понимания. Это действительно объясняет, почему психология не может выносить суждения по поводу положений метафизики, за исключением того, что они не могут быть доказаны.

Юнг говорит далее, что он так долго разбирает доктрину *privatio boni*, поскольку она в значительной степени ответственна за слишком оптимистичное восприятие проблемы зла в человеческой природе. Уже раннее христианство с безошибочной логикой уравнивало Христа Антихристом (§113).

Более того, так же рано, как и Василий Великий, мы встречаемся с тенденцией рассматривать зло как склонность человеческой души

и в то же время придавать ему характер чего-то «несуществующего». И даже более того, согласно Василию Великому, зло берёт начало в человеческом легкомыслии и обязано самим своим существованием всего лишь невнимательности. Так зло становится *quantite negliable* (фр. мелочью, пустяком), а местом его рождения оказывается человеческая психе. Отцы церкви с трудом могли понять, какую фатальную силу они приписали душе, негативную инфляцию, то есть дьявольскую претензию на то, чтобы включать часть бессознательного. Именно неизбежные последствия этого были предвосхищены в фигуре Антихриста и теперь отражаются в ходе современных событий, христианский эон рыб приближается к своему концу (§114).

Но в мире христианских идей Христос, несомненно, представляет Самость. Юнг говорит в сноске о том, что выдвигается возражение, согласно которому Христос не может быть подлинным символом Самости, но лишь иллюзорным заменителем. Юнг не согласен с этим, в особенности относительно прошлой, допсихологической эпохи. В то время Христос не просто символизировал целостность — он был ей. Идея полноты в любое время настолько полна, насколько она самодостаточна. Сейчас, когда психологическая критика стала возможной, открылась более великая степень целостности. Но кто может гарантировать, что наша концепция целостности не настолько нуждается в завершении в себе, насколько эта степень представлена в фигуре Христа (§115)?

В тексте Юнг показывает далее, что фигура Христа имеет главные признаки целостности:

Преходящее

Уникальное + Универсальное

Вечное

Как человек Христос преходящ и уникален, как Бог – универсален и вечен. Но поскольку теология описывает Христа исключительно как доброго и духовного, в следующую диаграмму необходимо включить Антихриста:

Добро

Духовное + Хтонический материал

Зло

Поэтому в эту эпоху нам более не надо различать двоих – мы можем видеть их обоих в Самости. Эта идея не нова: согласно Ипполиту, она уже была известна гностикам наассенам, не говоря уже об алхимиках. Это основополагающая часть процесса индивидуации (§117).

Юнг продолжает, обращая внимание на то, что Христос был рано распознан как *principium individuationis* (принцип индивидуации), и доказывая это в довольно сложных учениях Василида, связанных с тройным сыновством. Он сравнивает это тройное сыновство с тремя природами Христа и с духом, душой и телом. Как смертный человек Христос разделит эти три природы, как сын Марии, он привнёс сознание в третью бесформенность и материальное сыновство – тело – и был таким образом прототипом принципа индивидуации (§118ff).

В заключении к этой главе Юнг подводит итоги сказанному, рискуя повторить сам себя, ввиду необычайной важности материала.

Он делает особый акцент на том, что в параллели, которую он провёл между Христом и Самостью, не следует видеть нечто большее – она является чисто психологической, подобно тому, как параллель с рыбами является мифологической. Этот не вопрос вмешательства в метафизику, то есть веру. Древние чувствовали, что образ Христа связан для них с символом рыб, как впоследствии алхимики связывали его с камнем. Оба символа со временем

утратили актуальность. Но положения алхимиков придавали такую важность символу камня, что возникает сомнение, не является ли скорее Христос символом ляписа, чем наоборот? Современная психология сталкивается с тем же вопросом: является ли Самость символом Христа или верно обратное (§121ff)?

Опыт Юнга привёл его к последнему варианту, поэтому мы везде находим живой архетип Самости. Юнг делает особый акцент на том, что он старается изучать материал объективно, подобно тому, как это делал бы, например, историк искусства. Поэтому он связан не с конфессиями веры, а с неопровержимыми научными фактами (§123).

Когда архетип Самости рассматривается как активная действующая сила – и таким образом Христос как символ Самости – следует держать в уме различие между совершенством и завершённостью. Христос – идеал совершенства, тогда как Самость далека от совершенного, но обозначает завершение, и в этом состоит парадокс. Там, где этот архетип преобладает, завершённость доминирует над нами, вопреки всем нашим сознательным стремлениям. Святой Павел понимал это, когда говорил: «Итак я нахожу закон, что, когда хочу делать доброе, прилежит мне злое» (Рим. 7: 21).

Христианский образ также соответствует этой ситуации: Христос – совершенный человек, который распят. Всякий раз, когда задействован архетип Самости, мы распяты, как Христос. Искушение не означает, что мы избегаем обвинения, и только человек, который приближается к завершённости, знает, как невыносим человек в себе. Юнг говорит, что он не видит ни одного веского возражения, которое можно было бы выдвинуть с христианской позиции против нашего принятия задачи индивидуации, возложенной на нас самой Природой. Если мы поступаем так добровольно и сознательно, мы по крайней мере избавлены от того, чтобы это произошло с нами против нашей

воли в негативной форме, подобно тому, как если нам надо спуститься в глубокую яму, нам лучше сделать это с помощью лестницы, используя все необходимые предосторожности, чем просто свалиться туда (§124ff).

Во время войны Юнг часто очень убедительно говорил, что произошедшее с Германией в действительности было процессом индивидуации, который не был распознан никем из индивидов и потому затронул целую нацию и стал коллективным, таким образом, это произошло бессознательно, и, как это бывает со всеми вещами, касающимися архетипов и индивидуации, если они не осознаются, произошло катастрофически, а не осмысленно. Я привела Германию в качестве примера подавленной индивидуации, но в действительности вы можете значительно более ясно увидеть её на примере отдельных индивидуумов.

Я могу вновь напомнить вам о тех своих двух детских снах, в которых у меня был выбор выйти гулять в противоположности или быть подвешенной между ними Судьбой – это было выражено в очень наглядной и простой форме.

Непримиримая природа противоположностей в христианской психологии приводит к их моральной гиперболизации. (Они становятся бесконечно хуже. В своей первоначальной форме противоположности не такие плохие, но теперь они достигают такой точки, на которой становятся невыносимыми). Эта гиперболизация кажется нам естественной, хотя, если взглянуть на неё исторически, она унаследована от Ветхого Завета с его акцентом на праведности перед лицом закона. Такое влияние заметно отсутствует на Востоке, в философских религиях Индии и Китая. (В Дао нет такого жёсткого разделения между добром и злом, как то, от которого мы страдаем). Не останавливаясь на обсуждении вопроса о том, не может ли это углубление противоположностей, хотя оно усиливает страдание, соответствовать высшей истине, я просто хочу выразить надежду

на то, что текущая ситуация в мире может быть рассмотрена в свете психологического правила, упомянутого выше. Сегодня человечество, как никогда ранее, разделено на две очевидно непримиримые половины. Психологическое правило говорит о том, что когда внутренняя ситуация не осознаётся, она проявляется вовне как судьба. Это означает, что, когда индивидuum остаётся неразделённым и не осознаёт свои внутренние противоречия, мир должен насильственно выплеснуть конфликт и расколоться на противоположные половины (§121ff).

Юнг написал работу под названием «Настоящее и будущее» (1957), в которой он сказал о том, что единственная вещь, которую он, вероятно, может сделать в текущей ситуации, – посмотреть на свою тень и начать исцелять раскол, по меньшей мере, в одном месте, тогда он действительно сделает что-нибудь для изменения ситуации в целом. На встрече Психологического клуба в Цюрихе Юнга однажды спросили, действительно ли он думает, что атомная бомба будет использована, и он ответил, что это зависит от числа индивидуумов, которые смогут остановить конфликт оппозиций в самих себе. Если их будет достаточно, он думает, что мы каким-то, хотя и не лишённым драматизма, образом проскользнём мимо финальной катастрофы, но если необходимое число людей не сможет этого сделать, он опасается, что наша цивилизация просто исчезнет, как исчезали до неё многие, хотя теперь это будет гораздо хуже. Это произвело на меня ужасающее впечатление, которое было ещё более усилено женщиной, приехавшей из Германии. Она придерживалась очень высокой позиции во время войны в Германии и всегда хотела, чтобы Америка, Англия или германское правительство использовали бы волшебную палочку. Когда мне рассказали о ситуации, я сообщила ей больше. Я водила машину и в годы, когда её водила Мария-Луиза фон Франц, никто другой даже не собирался и чесаться в этом направлении. Я сказала об этом Юнгу, и он ответил: «Да, точно, она не верит в это, она не надеется это увидеть». Он был погружён в анализ перед войной, вспоминал Германию и был

захвачен идеей, что что-либо могло быть сделано благодаря парламентскому акту. Это маленький пример того, как функционируют явления снаружи, если вы не можете принять их внутри – в единственном месте, где мы что-либо можем сделать, и факт в том, что это может дать смысл каждой жизни. Даже если мы можем дать лишь крупицу, эта крупица обладает ценностью.

Доктор Сэнфорд попросил меня определить, что означает термин «страсть», потому что он никогда не видел его записанным или чётко установленным. Я просто собираюсь сказать вам, что он означает по моему мнению, и не собираюсь давать теологическую формулировку. Насколько я понимаю, страсть отсылает к страданиям Христа в Гефсиманском саду и во время распятия – абсолютной пытке, через которую он прошёл в конце своей жизни. Можно сказать, что до страсти он отделился от дьявола – «на время», как во время искушения, и всегда учил доктрине совершенно любящего Бога. Необходимо отметить, что когда он молился: «О Отец, если это возможно, да минует меня чаша сия, впрочем, не моя воля, но твоя!» – то впервые понял, что Бог не только любящий отец, поскольку, если бы это было так, разве бы он распял своего единственного сына? Может ли Бог, который является только любящим, оставить Христа, человека, который делал лучшее, на что способен, испытывать такую адскую пытку, как смерть на кресте? Насколько я это вижу, тогда он осознал и пострадал от противоположностей в Боге, и сделал это сознательно, в особенности во время распятия, символа индивидуации, принятия обеих противоположностей. Если бы он отказался от этой агонии и сбежал, а там было много людей, которые достаточно его любили для того, чтобы помочь ему скрыться, он мог войти в агонию старого века, когда ужасные события обрушились бы на него извне, но поскольку он принял это, он стал символом процесса индивидуации, живого до конца. Я никогда не видела никого, кто, имея возможность осознать конфликт внутри себя, но уклонившись от этого, не испытал бы

потом гораздо худшей судьбы, настигшей его извне, хотя сами такие люди думали, что стали жертвой невероятных обстоятельств.

Возникает вопрос: когда Юнг говорит о распятии как символе индивидуации, мне интересно, распято ли во время распятия человеческое тело Христа или это жертва тела для того, чтобы достичь индивидуации? Это чистая спекуляция, но меня интересует, в действительности, в самом истинном смысле, не означает ли индивидуация жертвования телом, смерть тела?

Это может быть верным, вопрос о том, действительно ли человек обретает индивидуацию перед смертью, открыт для сомнений, но, безусловно, есть предварительная ступень индивидуации, на которой тело в очень большой мере всё ещё присутствует. Взять, к примеру, Джейн Фери, случай одержимости в XVI веке. Девушка была полностью одержима демонами, а затем в неё вошла фигура, которую демоны называли Марией Магдалиной, и постепенно эта фигура вытеснила демонов и также заставила архиепископа взять девушку из женского монастыря и овладеть ей в своём доме, что привело к самому злобному скандалу, когда вся его епархия взлетела на воздух, едва он сделал это. Есть также случай пророка Осии, которому следовало жениться на проститутке. Бог поставил перед ним вопрос: «Что ты будешь делать с этим?» Несомненно, он влюбился в неё, но ему следовало ответить на вопрос Бога в своём теле, и это то, что я называю по меньшей мере этапом, предшествующим индивидуации. Вновь возвращаясь к «Ответу Иову»: Бог не знал ответ и испытывал Иова для того, чтобы получить его. Очевидно, во всяком случае, что предварительные стадии процесса индивидуации очень сильно включают тело. Калликрат говорил, что вы не можете раскаиваться в тех грехах, которых вы не совершали – как говорит Юнг, очень мудрые слова для тех, кто это понимает, и блестящая возможность для тех, кто не понимает.

Огромное подчёркивание оппозиций в нашей христианской психологии проистекает из сильного акцента на нравственности, унаследованного от Ветхого Завета. Такое влияние заметно отсутствует на Востоке, например в Индии и Китае. Юнг выражает надежду, что мы можем научиться смотреть на нашу собственную мировую ситуацию в свете психологического правила противоположностей, сегодня человечество, как никогда ранее, расколото на две очевидно непримиримые части. Это психологическое правило, согласно которому, если психологическая ситуация не становится осознанной, она проявляется вовне. Поэтому, если индивид не осознает своих внутренних противоречий, мир будет вовлечён в конфликт и разорван на противоположные половины (§126).

Глава 6. Знак рыб

Прежде всего я хочу напомнить вам о забавных синхронистических событиях, связанных с рыбой, которые произошли с Юнгом в то время, когда он писал эту часть «Эона». Они описаны им в работе «Синхрония: акаузальный объединяющий принцип» (Юнг 1952b, §826ff).

Мы подходим теперь к теме рыб, которая занимает около половины книги.

Я хочу просто отметить здесь, что рыба – это символ *par excellence* (фр. преимущественно) того, что переносит нас в бессознательное, и из всех символов Христа он, вероятно, наиболее значим в этом отношении. Более того, вся наша эпоха проходит под знаком рыб, эпоха Водолея сейчас только, так сказать, на пороге. В конце эпохи всегда есть беспокойное время, когда происходит переход из одного астрологического знака в другой. Юнг понимал, что мы не выйдем из знака Рыб до третьего тысячелетия, но первые звёзды Водолея уже влияют на нас.

Юнг начинает с того, что фигура Христа не так проста, как бы этого хотелось, не только потому, что есть огромное различие между Его образом в синоптических Евангелиях и в Евангелии от Иоанна, но и потому что – прямо со времен первого христианства – он использует очень много общих символов с дьяволом. Упомянем лишь некоторые: лев, змей, птица, ворон, орёл и, конечно, рыба. Наряду со змеем, рыба является одним из древнейших символов (§127).

Символ рыбы в христианстве имеет долгую предысторию, такую как вавилонский бог-рыба Оаннес и финикийская богиня Дерсето-Атаргатис. Мы также находим подобный образ в Индии – рыбу-спасителя Ману (§127).

Поскольку это столь широко распространённый символ, нам не следует удивляться его неожиданному появлению в любое время и в любом месте. Но его внезапная активация и раннее отождествление с Христом подводит нас к тому, чтобы подозревать наличие дополнительной причины, которую мы находим в астрологии – и в самом деле, как это хорошо известно, Христос родился, когда точка весеннего равноденствия перешла из знака Овна (баран) в созвездие Рыб (рыба) (§128).

Далее Юнг значительное место отводит астрологии, об этом я оставляю вам возможность почитать самостоятельно, упомяну только о том, что конъюнкция (соединение) Юпитера (благотворной звезды) с Сатурном (вредоносной) возникает снова и снова, и эта конъюнкция обозначает союз крайних противоположностей. В 7 году до н.э., например, это знаменитое соединение произошло в знаке Рыб трижды. Кроме того, эта конъюнкция была отмечена тем обстоятельством, что Марс находился в оппозиции к ней, и это соответствует особой характеристике христианства, поскольку Марс является планетой, связанной с инстинктами. Юнг говорит, что если мы принимаем расчёты Герхардта, то когда родился Христос, Солнце было в Близнецах, что в точности напоминает тему враждующих братьев, особенно в Египте (§128ff).

Астрологические предсказания, которые были, вероятно, уже известны в древности, всецело подчёркивают этот двойной аспект, и можно понять, насколько подходящим миф о Христе и Антихристе является для сравнительных астрологических построений (§133).

Талмуд (несомненно до VI в.) также содержит свидетельство антитетической природы рыб и рассказывает о войнах таниним (морских чудовищ), войнах Гога и Магога. Живший в XI веке комментатор Талмуда Соломон Джезчаки замечает, что таниним –

это рыбы, что важно, поскольку это делает битву рыб эсхатологическим событием (подобно битве между Бегемотом и Левиафаном) и поскольку это, вероятно, самое раннее свидетельство антитетической природы рыб (§133).

Есть очень много изощрённых астрологических предсказаний, данных в самом большом количестве, которые я пропускаю, поскольку считаю их выше своего понимания, но мне вновь близка позиция Иоахима Флорского (XII в.), который предвещал новую эру Святого Духа. Он датировал тайное зарождение этой новой эры (чтобы обозначить даже становление нового состояния мира) основанием ордена бенедиктинцев (около 534 года), что приближает нас к 530 году, который, согласно пророчествам Талмуда, должен быть переломным. Сам век Иоахима был отмечен духовной неустойчивостью и появлением многих новых сумасбродных сект, но монашество, столь близкое сердцу Иоахима, что он рассматривал его как истинный проводник эры Святого Духа, обрело в нём новую жизнь с основанием нищенствующих орденов. В стороне от этого была широко распространена религиозная инфляция, хорошо известный опасный результат идентификации с Божественным, в данном случае со Святым Духом. Нуминозность была оттенена временной синхронией века, в котором жил Иоахим, началом сферы антихристианской рыбы. Хотя сам Иоахим не заходил так далеко, как многие из сект, которые возникли в его время, он был тем не менее осуждён церковью, как и большинство людей, которые были захвачены архетипом. И в случае Иоахима это очень понятно, потому что его отношение к христианской церкви подошло очень близко к открытому мятежу (§137ff).

Юнг подчёркивает, что поскольку эон Рыб управлялся архетипическим мотивом враждующих братьев, приближение следующего месяца Платоновского года, Водолея, пройдёт под звездой проблемы союза противоположностей, и только личность может решить эту проблему в процессе своей индивидуации.

Провозглашение Assumptio Mariae (лат. Успение Девы Марии) – пример того, как символ развивается веками и, как это хорошо известно, этот процесс происходит снизу, по сути из представлений масс, от побуждения архетипа к его реализации (§142).

Последствия движения Святого Духа испытали четыре ума, которые имели огромное влияние на будущее: Альберт Великий, Фома Аквинский, Роджер Бэкон и Мейстер Экхарт. Некоторые также справедливо рассматривали движение Святого Духа как предтечу Реформации. И синхронистично латинская алхимия также началась примерно в XII-XIII веках. **Ляпис** алхимии – параллель к «новому камню», с которым также сравнивался Святой Дух (§143f).

После многочисленных параллелей с ляписом Юнг возвращается к Христу как рыбе. Согласно Дельгеру, который исследовал символ рыб очень тщательно, христианский символ рыб впервые появился в Александрии около 200 г. н.э., и крестильная ванна весьма часто описывалась как piscina (пруд для разведения рыбы). Это предполагает, что верующие были рыбой, и действительно подобный мотив возникает в евангелиях, где некоторые из учеников были рыбаками, Христос же хотел сделать их «ловцами человеков» (Матф. 4: 19). Сам Христос использует чудотворную ловлю рыб как прототип миссионерской деятельности Петра (§145).

Астрологический аспект рождения Христа также непосредственно затронут в истории волхвов, которые узнали о необыкновенном рождении по звёздам (Матф. 2: 1), и покровительство рыб подтверждается связанным с ними богатым символизмом в евангелиях. Поскольку Христос почитается как новый зон, для всех, кто изучал астрологию, будет очевидным, что он был рождён как первая рыба и умер как овен (§146).

Затем Юнг говорит о многих ранних изображениях знака рыб, иногда плавающих параллельно, иногда одна вертикально, а другая – горизонтально, и часто в противоположных направлениях (§147).

Хотя здесь нет прямого доказательства связи с фигурой Христа, синхрония появления столь многочисленных знаков рыб и начала новой эры поразительна в достаточной мере для того, чтобы оправдать наше пристальное внимание к ней. Удивительно, если задуматься над этим, что точка весеннего равноденствия должна была перейти в знак Рыб и затем озаменовать начало времени, когда слово «рыба» использовалось как имя для Бога, который стал человеком, был рождён как рыба и принесён в жертву как овен, у которого были ученики-рыбаки, из которых он хотел сделать «ловцов человеков», который чудесным образом накормил множество людей рыбами, который сам был съеден как рыба и чьи последователи назывались маленькими рыбами. Здесь я хотела бы упомянуть, что блюда для причастия с изображёнными на них рыбой и хлебом были найдены в катакомбах, и по датировке они являются таким образом очень ранними. Нет каких-либо доказательств того, что истории о рыбах в синоптических евангелиях были замаскированными астрологическими мифами. Напротив, они возникли совершенно естественно именно как истории, разновидность синхронистического события, связанного с началом знака рыб (§148).

Юнг заканчивает главу упоминанием о факторе времени, так как мы проходим через знак рыб, но поскольку это более ясно выражено в начале следующей главы, пока мы отложим его.

Глава 7. Пророчества Нострадамуса

Юнг говорит, что направление нашей религиозной истории и основополагающая часть нашего духовного развития могут быть более-менее точно предсказаны – в отношении времени и содержания – на основе прецессии точки весеннего равноденствия в созвездие Рыб. В процессе энантиодромии вертикальное готическое стремление вверх переходит в горизонтальное движение вовне, представленное в путешествиях географических открытий и быстро развивающемся «покорении природы». Вертикаль была пересечена горизонталью (можно вспомнить, что на многих древних изображениях Рыб одна рыба расположена вертикально, а другая – горизонтально), и духовное развитие человека начинает определяться, что становится всё более заметным, антихристианским направлением, ведущим к современному кризису, исход которого всё ещё неясен (§150).

Не забывая об этих обстоятельствах, далее Юнг переходит к Нострадамусу. Я лишь резюмирую это очень кратко, частично по причинам, о которых уже упоминала, частично – потому, что, хотя я не раз пыталась изучать Нострадамуса, преуспеть в этом у меня как-то не получилось.

Как следует признать, чрезвычайно интересно, что в письме королю Франции Генриху Второму, датированном 27 июня 1558 года, он предсказывает, опираясь на астрологические данные, что в 1792 году, более чем через 200 лет в будущем, наступит более великое преследование христианской церкви, чем даже то, которое когда-то было в Африке, хотя в то время «все будут думать, что это обновление эпохи» (§151).

Нострадамус мог основываться в своих расчётах на более ранних авторитетных источниках, но, безусловно, поражает, что в то время как раннее пророчество говорит о 1789 годе, Нострадамус

называет 1792 год, и обе даты попадают на время французской революции. Возведение на престол богини разума в Нотр-Дам де Пари было действительно (как Юнг часто подчёркивал также в другом месте) драматическим событием, которое можно рассматривать как предвестие нарастающей антихристианской тенденции и которое многие приветствовали именно как «обновление эпохи», в точности как предсказывал Нострадамус за 230 лет до этого. Существовал даже революционный календарь с новой системой датировки, начинавшейся в сентябре 1792 года (§156).

Нострадамус и ранние авторитетные источники предсказывают, что великое потрясение произойдёт на севере. Они были знакомы с идеей севера как обители дьявола. Эта идея восходит к Ветхому Завету, где Иеремия говорит: «от севера злой ветер принесет бедствие на всех обитателей сей земли» (Иер. 1: 14) и Исайя упоминает о Люцифере, намеревающемся возвысить свой трон над звёздами Бога и воссесть на горе собрания далеко на севере (Ис. 14: 12) (§157).

Бенедиктинский монах Рабан Мавр (IXв.) отмечает, что «северный ветер – это суровость гонения» и «фигура старого врага». Он добавляет, что, очевидно, север обозначает дьявола, поскольку сказано в «Книге Иова»: «Он распростёр север над пустотою, повесил землю ни на чём» (Иов 26: 7). Рабан Мавр истолковывает значение этого так: «Господь позволяет дьяволу управлять умами тех, кто пуст от добродетели» (§157).

Юнг цитирует св. Августина и несколько других авторитетных источников, которые отождествляют север и дьявола, и в дополнение обращает внимание на очень удивительный факт, что Нострадамус и его предшественники предупреждают нас о «захватчике с севера», когда предвещают приход Антихриста. Лютер был быстро воспринят как Антихрист, о котором, вероятно, говорил Нострадамус, когда говорил о «первом Антихристе»,

который появится после 1792 года. Юнг просто упоминает, что нам не следует забывать, какой большой капитал фашисты попытались извлечь из идеи о том, что Гитлер завершал дело реформации, которое Лютер оставил незавершённым. (Как Юнг часто подчёркивал в другом месте, фашистская Германия была примером *par excellence* (фр. преимущественно) процесса индивидуации, произошедшего неосознанно и произвольно и поэтому негативно).

Юнг заканчивает главу, говоря, что при наличии существующих астрологических данных и сохранившейся возможности затем интерпретировать их для Нострадамуса не было трудно предсказать надвигающуюся энантиодромию христианского эона, но, делая это, он уже был введён в антихристианскую фазу и стал её глашатаем [В дословном переводе с немецкого «*stan der serber schon in der antichrist lichen Phase darin*» означает «так он уже был введён в антихристианскую фазу». Английский перевод «решительно вошёл» здесь вводит в заблуждение, поскольку звучит так, будто Нострадамус сделал это осознанно, чего, конечно же, не было. Сейчас это очень частая интеллектуальная ошибка, которая возникает из предвзятого мнения о том, что бессознательного, которого оказывает на нас реальный эффект, не существует, и мы всё делаем сознательно.

Мы можем обнаружить тот же самый процесс, который можно увидеть здесь в Нострадамусе, в нас самих, если мы оглянемся назад на то время, когда мы впервые соприкоснулись с юнгианской психологией. Наши сны тогда покажут нам, как сильно изменилась наша бессознательная установка, тогда как сознание шло за ней с отставанием. Часто это особенно чётко проявляется в переносе, который может процветать годами, прежде чем мы осознаем его].

Глава 8. Историческое значение Рыбы

Как все мы знаем, пастух и агнец играют едва ли не более важную роль в христианском символизме, чем рыба. Символизм пастуха, овна и агнца связан с завершающимся эоном этого периода: Аттис и Христос оба характеризуются как пастухи, овны и рыбы. Символизм пастыря, однако, был так тщательно изучен Рейзенштейном, что Юнг отмечает, что ему нечего к этому добавить, в то время как источники символа рыб не только более обширны, но и сам символ – в особенности в своих двойственных аспектах – вызывает определённые психологические вопросы, которые нуждаются в разъяснениях.

Юнг говорит затем об опасностях, угрожавших Христу при его рождении и в раннем детстве, как о теме, всегда связанной с рождением героя, и обращает внимание на языческие прототипы этого, связанные с рыбой, например, Лето и Пифона, Афродиту и её сына, которые, когда были преследуемы, прыгнули в Ефрат и превратились в рыб, что связывает символизм рыбы с матерью и сыном. Более того, греки отождествляли Деркетто-Атаргатис и её сына Ихтиса с созвездием Рыб (§163).

Юнг далее развивает тему женщины в изгнании, которая, будучи беременной, бежит от преследующего её дракона в пустыню, и также говорит об описании агнца с семью рогами и семью глазами, очень воинственного животного, образ которого резко контрастирует с образом кроткого агнца, ведомого на заклание (Откр. 5: 6). По-видимому, автор Апокалипсиса находился под влиянием идеи о том, что у Христа есть противоположность, психологическая тень, с которой торжествующий Христос объединится через акт перерождения в конце времён. Овен с семью рогами – почти всё, чем Христос не был, хотя он не может быть охарактеризован как Антихрист, порождение дьявола, и не является настолько же противоречащим Христу, насколько

последний. Поэтому удвоение фигуры Христа не может возвращать нас к агнцу Апокалипсиса и, вероятно, больше связано с возмущением римским владычеством, которое испытывали христиане-евреи, обращавшиеся в то время к ветхозаветному Богу отмщения.

Далее Юнг приводит цитаты, показывающие трудности евреев с мессианской идеей, и подводит итог, отмечая, что слабость этой идеи была, вероятно, связана с разделением, которое со временем развивалось в полную противоположность. История Иова возникает снова в 89-м псалме, и ибн Езра рассказывает о великом мудреце, который был неспособен читать этот псалом, потому что тот слишком глубоко его печалил (§169).

Затем идёт отрывок, который я нахожу трудным, но чрезвычайно интересным, связанный с отношением Богообраза к Самости. Я постараюсь передать его суть своими словами. Поскольку Богообраз всегда представляет высшую психическую ценность, он отсылает к Самости или даже идентичен ей. Поэтому любая неопределённость с образом Бога вызывает замешательство в отношении к Самости, и поскольку это очень болезненно для нас, мы обычно стараемся игнорировать его. Но игнорируемый вопрос перемещается в бессознательное и отзывается такими явлениями, как материализм, атеизм и другие измы, которые затем распространяются, как лесной пожар. Если не даётся подлинного ответа или он даже не ищется, такие результаты неизбежны (§170).

[Я постараюсь прояснить это, проведя параллель с личной психологией. Мой личный опыт во всяком случае свидетельствует о том, что если вопрос или проблема возникли, и я уклоняюсь от неё, отвергая её болезненные последствия или подавляя их, анимус немедленно возьмёт это на себя и будет выдавать мне не относящиеся к сути дела мнения до тех пор, пока я не буду полностью ими переполнена и совершенно дезориентирована.

Хуже всего в этом то, что к этому времени он уже иногда благополучно забывает point de depart (фр. точку отсчёта), и единственный способ, который мне известен, состоит в том, чтобы вернуться к ней, выдержать боль и встретить вопрос лицом к лицу наилучшим образом из возможных. Это, безусловно, болезненно, однако благодаря боли можно непосредственно почувствовать облегчение от того, что иллюзорная бессмыслица миновала и что жизнь вновь обрела смысл, даже если это болезненный смысл. Коллективные «неразбериха и замешательство», которые Юнг описывает здесь как результат отсутствия адекватного ответа на текущую неопределённость Богообраза, в точности совпадают с тем, что я чувствую лично, когда не делаю лучшего, что могу, для того, чтобы найти осознанный ответ на какую-либо болезненную и трудную проблему].

Юнг подчёркивает, что христианский ответ отрицания реальности зла более не адекватен в мире, в котором мы живём сегодня, поэтому мы вынуждены обратиться назад к раннехристианскому пророчеству об Антихристе, размышлениям гностиков и иудейскому мистицизму, если мы хотим найти достаточно широкое основание для нашей проблемы. Гностики, в отличие от ранних отцов христианской церкви, воспринимали зло очень серьёзно, а иудейский мистицизм, не привлекая всеобщего внимания, пошёл своим собственным путём рассмотрения проблемных глубин, которые христианские авторы, к сожалению, из всех сил старались скрыть (§170).

Двойственный аспект фигуры Христа очень очевиден как в гностическом, так и в иудеохристианском пространстве мысли, и Юнг говорит, что он остановился на нём, потому что – с помощью символа рыбы – Христос был вписан в мир идей, которые могут показаться весьма далёкими от евангелий, мир языческого начала и расцвета астрологии. Однако несомненным историческим фактом является то, что Христос родился в начале эпохи Рыб и

место его рождения действительно было найдено волхвами по звёздам (§172).

Далее Юнг цитирует гораздо больше материала, из которого я хочу особенно выделить только одну идею. Говоря, что первоначально рыба была одна и только потом она разделилась на две, он отсылает к тому факту, что первоначально рыба-богиня была одна, а затем дала рождение рыбе-сыну, таким образом привнося идею матери и сына. Мифологические матери обычно представляли опасность для своих сыновей и были поглощающими матерями (§173).

[Я хочу обратить здесь внимание на то, что мысль о поглощающей матери не является христианской идеей, Мария мыслится почти такой же совершенной, как Христос, что объясняет, почему Христос так часто отвергает свою мать – факт, который часто служит оправданием. Ему следовало выступать против неё для того, чтобы прожить свою жизнь как мужчина, и этот аспект, насколько я знаю, часто игнорируется церковью].

Приведя ещё много данных, Юнг говорит, что с тех пор как рыбы также становятся матерью и сыном, трагедия ранней смерти сына уже имплицитно присутствует в знаке рыб. Астрологические характеристики Рыб имеют все базовые составляющие христианского мифа: крест (вертикаль и горизонталь), нравственный конфликт и его расщепление в Христа и Антихриста, непорочное зачатие, классическая трагедия матери и сына, опасность при рождении, спаситель и исцелитель. Всё это показывает нам, что имеет смысл рассматривать Христа как рыбу в соотношении с наступавшим тогда эоном, хотя нет доказательств того, что эта связь была установлена в то время, когда это случилось (§177).

Среди большого количества дальнейшего материала я хочу упомянуть лишь сирийский Апокалипсис Баруха, который говорит

о том, что Левиафан восстанет из моря с пришествием Мессии. Мы находим похожую идею в христианской символике, где распятие – это приманка, на которую Бог ловит Левиафана (Юнг 1944, рис. 28). Согласно тому же Апокалипсису, Бегемот, как и Левиафан, это пища евхаристии, и как здесь, так и в начале следующей главы, Юнг цитирует очень интересные отрывки, в которых эти животные рассматриваются как пища конца времён. Шефтеловиц полагает даже, что «очень большая и непорочная рыба», упомянутая в эпитафии Аверкия, «не что иное, как Левиафан» (§178).

[Я нахожу в этом особенно интересным то, что Юнг объясняет неприятие иудеями Христа как Мессии разделением между Христом и Антихристом. У иудеев было подлинное оправдание в том, что Яхве – как он описывается в Ветхом Завете – слишком сильно преобразился в свою противоположность и не был убедительно объединён с совершенной фигурой Христа. Это означало, вероятно, что, подобно Нострадамусу, их бессознательное перенесло их на шаг вперёд, в ту эпоху, когда Христос и Сатана должны сойтись вместе, что отчасти стало причиной трудностей иудеев в отношениях с христианами и в некоторой мере негодования по отношению к ним, которое подчас вспыхивает в христианских странах: это негодование является проекцией негодования христиан на самих себя из-за того, что они не могут оставаться маленькими бессознательными барашками Иисуса, но должны сами искать союза противоположностей, включая тёмную противоположность Христа].

Глава 9. Амбивалентность символа рыбы

Юнг рассматривает далее сирийский Апокалипсис Баруха (который можно найти у Чарльза (1985)), где говорится, что время, предшествующее приходу Мессии, распадается на двенадцать частей, и Мессия придёт в двенадцатую. Как деление времени это указывает на двенадцать знаков Зодиака, из которых двенадцатым являются Рыбы. Двенадцатый является таким образом концом и началом. Затем из моря восстанет Левиафан. В то время как Бегемот является однозначно земным животным, *два* морских чудовища, упомянутые у Баруха, должны быть дубликациями Левиафана, и последнее также намекает на них как на мужскую и женскую формы. Вместе с тем в книге Иова и во всех более ранних текстах Левиафан только один. Затем он был противоположностью самого высокого Бога, но – поскольку он разделился надвое – Бог, так сказать, высвободил свой собственный внутренний конфликт и теперь может наблюдать конфликт двух враждующих братьев *вне* себя. Мы часто видим это разделение тени в современных снах, особенно там, где эго личности не осознаёт составляющих, которые оно должно знать. Если мы применим этот психологический опыт к мифологическому материалу, который мы обсуждаем, тогда мы можем предположить, что чудовищные противники Бога двоятся, поскольку Богообраз является незавершённым. Развивая это далее, рассматривая Христа как другую рыбу, мы можем утверждать, что именно человеческий элемент ранее отсутствовал в Богообразе, как мы действительно знаем из других источников (§181).

Юнг приводит далее многочисленные примеры амбивалентного отношения к рыбе. В Египте, например, её обычно считали нечистой и негативной, хотя среди многих положительных противоположностей я упомяну изображение на позднем

эллинистическом саркофаге, где присутствует рыба, порхающая над мумией вместо обычной души-птицы. Ясно даже, что рыба на этом изображении – одна из трёх самых ненавистных рыб, которые, как утверждается, съели фаллос Осириса после того, как он был разорван на части Сетом. Эти рыбы были посвящены Тифону (Сету), который представляет «вспыльчивую, импульсивную, иррациональную и жестокую» часть души, поэтому действительно интересно, что она была представлена на этом саркофаге как изображение души, порхающей над мумией (§187).

Далее Юнг говорит о Горе и Сете, из которых первый был богом дня, а второй – богом ночи и которые были поэтому врагами. Эта пара богов (скрытые противоположности, содержащиеся в Осирисе) представляет собой интересную параллель к Бегемоту и Левиафану в отношении к Яхве. Но оба работают вместе, когда дело доходит до того, чтобы помочь одному богу Осирису достичь небесной квартиры (§187).

В арабской традиции область вокруг полюса видится в форме рыбы. Видение Бога, пережитое Иезекиилем, пришло с севера, несмотря на то, что север обычно считается местом рождения всякого зла. Такое совпадение противоположностей привычно для всех первобытных концепций Бога, для него это было тогда просто само собой разумеющимся. Но когда люди начинают размышлять *сознательно*, совпадение противоположностей становится крепким орешком, и мы стараемся избежать проблемы любым возможным способом. Положение дьявола в христианстве глубоко неудовлетворительно, но когда такие пробелы остаются коллективными доминантами, они обычно компенсируются из бессознательного. Алхимики, однако, стремились, по сути дела, к более или менее сознательному восстановлению первобытного Богообраза и таким образом были способны выдвигать парадоксы, которые шокируют нас своей откровенностью и которые, хотя и содержатся в христианской религии, никогда не выносились в сферу сознания. Кто говорит, например, об адском

огне и одновременно о *privatio boni* (лат. лишение добра)? Хотя и то, и другое являются христианскими доктринами (§189).

Юнг говорит здесь: «То, к чему они стремились, было более или менее восстановлением первобытного Богообраза. Поэтому они могли выдвигать настолько шокирующие парадоксы, как тот, что божественная любовь полыхает в языках адского пламени» (§191, см. также Юнг 1944, §446).

Я работала некоторое непродолжительное время с Эммой Юнг, и кое-что, чему я у неё научилась, стало для меня с тех пор огромной помощью в установлении отношений с негативными эмоциями. У неё было огромное доверие к тому, что происходило из её собственного опыта. Она говорила, что если у вас ужасная депрессия, или вы сильно раздражены, или испытываете ещё какую-либо негативную эмоцию, которую вы обычно стараетесь подавить или избежать, необходимо воспринять эту эмоцию, насколько вы на это способны, как друга или как животное, установить с ней отношения и в конечном счёте сделать так, чтобы она сказала вам, почему вы её испытываете. Поэтому если у вас жуткая депрессия, вместо того, чтобы использовать алкоголь, прогулку или ещё что-то, обратитесь к ней, установите с ней отношения и спросите: «Полагаю, у тебя есть свои основания?» Я очень многое получила благодаря этой технике, и я думаю, когда алхимики говорят о любви Бога, полыхающей адским пламенем, это даёт некоторые сведения о картине переживания негативной эмоции без попыток убежать от неё.

Когда мы думаем о Нострадамусовом «короле севера», нам не следует забывать, каким парадоксом является север у древних авторов: это трон высших богов и Люцифера. Особенно имеет значение крик Бернарда Клервосского Люциферу: «И стремишься ли ты вкривь к северу? Чем более ты спешишь к вершинам, тем быстрее ты идёшь к закату» (§120).

Здесь я хочу сделать комментарий, что на самом деле идеей, которая вызвала такое бешенство после «Ответа Иову», было представление Бога как, так сказать, прообраза, как развития в каждой личности. В личности присутствует это разделение на две фигуры, если вы не сознательны там, где вы могли бы сознавать, и это как раз то, что Юнг показывает в книге и для чего, если вы помните, он так часто говорит, что если бы Яхве всего лишь прислушался к своей Софии, универсальному знанию внутри себя, он смог бы осознать, что у него самого также есть тёмная сторона. Если вы наблюдаете за снами, самое интересное, что, когда тень возникает как две фигуры, если вам удастся обнаружить их природу, одна будет ближе к сознанию, чем другая. Последняя будет более сложна для выделения и может быть смешана с архетипическим материалом.

Вопрос в целом очень интересен, но очень сложен. Вы знаете, что во сне очень часто появляются не одна, а две теневые фигуры. Если вы думаете о них, о том, что вы чувствуете по отношению к ним, об их наиболее выдающихся качествах и о том, что они означают для вас, вы, вероятно, обнаружите, что одна из них ближе вам, чем другая, и вы знаете о ней больше. С другой стороны, Юнг говорит, что удвоение любой фигуры – указание на то, что она просто поднимается на поверхность и выглядит как две, хотя в действительности она одна. Если взять идею фигур Бегемота и Левиафана в «Иове», они являются тёмной стороной Бога. Когда Иов очень несчастен и рассказывает Богу о своём несчастье, Бог просто хвастается удивительными животными, которых он сотворил, и Левиафан и Бегемот выступают как разделившаяся тень Бога. Если я правильно это понимаю, отброшенная тень затем раздваивается, когда двое сражаются друг с другом, как пара враждующих братьев, что обозначает стадию достижения большей объективности, на которой это может быть рассмотрено как конфликт. Когда я испытывала огромную трудность в распознавании своей тени, поскольку она была для меня слишком неприемлема, мне приснились две женщины, которые, хотя они делали всё

возможное, не могли понять друг друга, но затем они танцевали и таким образом смогли каждая пойти своим путём, просто случайно встретившись и став ближе друг к другу. Я думаю, что сначала человек просто совсем не видит, что его тень может сделать с ним что угодно, и следующий шаг – увидеть её как неприемлемую пару противоположностей, сражающихся друг с другом, из которой можно получить идею о том, что внутри вас также присутствуют эти две неприемлемые фигуры и происходит страшное разделение, поскольку в вас есть эти две женщины или две тени, которые ничего не знают друг о друге. Сначала это казалось мне пустыми словами, и мне никогда не удавалось добиться какого-либо успеха во взаимодействии со своей тенью до тех пор, пока я не получила идею о возможности синхронизации, как в танце. Удвоение, насколько я это вижу, следует связывать с опредмечиванием, но это мой собственный опыт, и это пришло ко мне не из «Эона».

Глава 10. Рыба в алхимии

Медуза

Перед началом этой главы я хочу напомнить вам о том, что Юнг говорит во введении к «Психологии и алхимии» об отношении алхимии к христианству, потому что, хотя оно постоянно подразумевается, оно нигде не выражено так ясно в «Эоне». Он говорит: «Дело в том, что алхимия довольно похожа на подводное течение по отношению к христианству, которое правит на поверхности. Она является для этой поверхности тем, чем сон является для сознания, и в точности так же, как сон компенсирует конфликты сознательного ума, алхимия стремится заполнить пробелы, оставленные христианским напряжением между противоположностями» (Юнг 1944, §25).

Глава состоит из трёх частей и содержит преимущественно эмпирический материал. Поэтому очень трудно кратко излагать её основные положения. Я постараюсь быть очень краткой, предоставив вам возможность заполнить пробелы.

«Allegoriae super librum Turbae» (лат. «Аллегии на книгу множеств») – наш самый ранний источник алхимического символизма рыбы; вероятно, этот текст относится примерно к одиннадцатому веку. В самом раннем упоминании рыба – это «круглая рыба», которая содержит в себе полноту, удивительное качество. Если её приготовить, она начинает сиять; вероятно, речь идёт о разновидности медузы (§194). По всей видимости, автор находился под влиянием Плиния, писавшего о рыбе, которая была так горяча, что всё, к чему она прикасалась, уничтожалось огнём (§197). Одновременно Плиний упоминает *stella marina* (лат. морскую звезду). Возможно, для Плиния не были важны зоологические различия, но в любом случае средневековые

алхимики ухватились за эту идею, и Николя Коссен рассматривал это животное как морскую звезду и наделял её свойством порождать столько жара, что он сравнивал её с «неугасимой силой истинной любви» (§197).

Пикинелли идёт ещё дальше и – с ещё более замысловатым преувеличением – сравнивает её с огнём Святого Духа и чудом Пятидесятницы. Чудесное явление того, что вода не гасит её огонь, упоминается Пикинелли как «действие божественной благодати», которая приносит в сердца огонь, хотя они погружены в «море грехов». По той же причине рыба обозначает божественную любовь, и он цитирует «Песнь Песней» Соломона: «Многие воды не могут погасить любви, и реки не зальют её» (Песн. Сол. 8: 7). Она распространяет сияние вокруг себя с момента своего рождения.

Как мы видим из упоминания «Песни Песней» Соломона, эта морская звезда отсылает и к мирской любви, и Пикинелли говорит даже, что морская звезда – это «иероглиф сердца возлюбленного», чья страсть не может быть погашена целым морем, является ли его любовь божественной или мирской, и он также называет её «сладострастием» или «вспышкой разврата» (§199).

Юнг подчёркивает, насколько странным является то, что средневековые ученые, изучавшие символы, давали диаметрально противоположные интерпретации одному и тому же символу, очевидно, не осознавая тот опасный факт, что они косвенно выражали таким образом единство противоположностей. Он приводит ещё больше примеров – главным образом связанных с огнём, но я оставляю вам возможность познакомиться с ними самостоятельно. Он также излагает самый интересный современный сон, ведущий к выздоровлению спящего, который видит в центре круглого водоёма, в глубинах тёмного леса, «жемчужный организм

одиннадцати дюймов в диаметре, изучающий тусклый свет. Это была медуза» (§208). Поскольку двадцатилетний ученик, который видел сон, не находился под психологическим влиянием, выход этого символа на поверхность в современном сне (и это не единственный случай) очень интересен.

Рыба

До настоящего момента рыба, которую мы обсуждали, была круглой рыбой, разновидностью медузы, а вовсе не зоологической рыбой. Но с XVI века в текстах, несомненно, имеется в виду настоящая рыба, и таким образом становится ясно, что круглая рыба в «Aenigmata» (лат. «подобиях») рассматривалась действительно как рыба в алхимической традиции.

Круглая и прозрачная рыба особого вида описывалась в «Киранидах» (средневековом тексте о животных, камнях, растениях и т.д.). Она жила в море вокруг Сирии и Ливии и имела три косточки, две в голове и одну в третьем позвонке хвоста. Эти косточки считались могущественными, и о них впоследствии много говорили как о любовных талисманах. Эта косточка двойная и состоящая из двух частей: одна непрозрачная и чёрная, а другая, хотя и чёрная, сверкающая и светящаяся, как зеркало. «Эта кость, которую многие искали, является драконьей костью» (§128). Кость эта была уже известна Плинию и средневековым алхимикам. Она почиталась как драгоценная. Руланд в своём «Лексиконе» утверждает, что видел такие кости голубого или чёрного цвета (в другом месте он затем называет их белыми). И вновь мы имеем дело с противоположностями, и голубая кость напоминает нам о ляписе, который обозначает полярность и единство противоположностей. Мы уже видели, что алхимический символ рыбы сводится в конце концов к архетипу Самости (§216).

Затем мы подходим к рассмотрению, вероятно, самой интересной рыбы в алхимии, и теперь она становится верифицируемой

позвоночной рыбой, известной зоологии: *echineis remora*, рыбой-прилипало (*remora* по-латыни «удерживание»). Она принадлежит к тому же отряду окунеобразных, что и скумбрия, и характеризуется большой, плоской, овалообразной присоской в верхней части головы на месте спинного плавника. С помощью этой присоски она может прицепляться к большой рыбе или кораблю и таким образом перемещаться по миру (§217).

Текст анонимного французского автора XVII века вдаётся в многочисленные подробности об этой рыбе. Если совсем кратко, он говорит, что эта очень маленькая и одинокая рыба является именно тем, что необходимо для философской работы, и она заключена в «том глубоком срединном слое великого всемирного моря» (§218). Ему следует знать, где это, поскольку рыба мала, а океан огромен. Он говорит даже, что не так трудно спустить луну с неба, как найти эту рыбу. Однако те, кто знает «сокрытую тайну мудрого», могут поймать эту маленькую рыбу естественно, легко и быстро, хотя она сама способна удерживать гордые корабли великого моря, которое является духом мира. Он продолжает, объясняя, что она должна быть поймана в согласии с природой и посредством «притяжения мудрого», и говорит затем о её трансформации и о влиянии, которое она может обрести, если приготовить её надлежащим образом (§218).

Юнг всегда говорит, что «теория» алхимиков – это их учение, которое может быть получено из книг и того, что могут дать книги. Он не раз говорит, что единственным способом, которым человек может действительно проверить свою доктрину, является то, что он изучил, его собственные образы. Он отмечает, что его не впечатляло число людей, которые приходят к любому из его учеников, его впечатляло, когда он видел, что они прислушивались к своим собственным образам и делали успехи в том, что касалось их тени, анимуса или анимы. Я помню, что когда я прошла через обычные «язвы» желания стать аналитиком, «язвы», через которые проходят все, вне зависимости от того, станут они затем

аналитиками или нет, Юнг сказал мне, что мне следует отправиться в Англию, если я хочу анализировать. Вскоре после этого у меня был сон об анализе одной женщины, которая явно была моей тенью и сказала мне, что если я хочу знать лучшее средство стать аналитиком, мне следует анализировать мои собственные внутренние образы, потому что если они прислушаются ко мне, то получают правильную идею, а если этого не произойдёт, тогда я не произведу впечатления на других. Когда я действительно начала анализировать, мне менее всего хотелось этим заниматься: когда человек чего-то хочет, это не приходит, но стоит ему от этого отказаться, как оно появляется, хочет он того или нет.

Как утверждается, маленькая рыба может остановить гордые фрегаты моря, мы слышали от Плиния, что маленькая рыба прочно присосалась к хвосту корабля Калигулы и остановила его. После этого путешествия на обратном пути в Рим Калигула был убит своими солдатами. Следовательно, как подчёркивает Плиний, это было знамение. То же самое случилось с Марком Антонием перед его морским сражением с Августом, в котором Антоний был убит. Плиний не мог не удивляться таинственной силе прилипалы. Возможно, он повлиял на алхимиков настолько сильно, что они отождествили свою «круглую рыбу» с *echineis remora* (§223).

Далее Юнг обращает внимание на то, что рыбы также возникают в сочинениях Ринпли, где вместе с птицами они приносят кость, подобно тому как они показывают путь в царствие небесное в «Оксиринхских речениях Иисуса». Они также появляются среди символов Лэмбспринка как зодиакальные рыбы, движущиеся в противоположных направлениях и символизирующие тайное вещество (§224).

Символ рыбы у катаров

В третьей части главы «Рыба в алхимии» Юнг обращается к архивам инквизиции и извлекает самый интересный документ катаров. (Катары – одна из сект, которая возникла в XII веке, в то время, когда Иоахим Флорский провозгласил свою эру Святого Духа. Она была определённо еретической, в отличие от самой алхимии.) (§225)

Этот текст имеет дело с откровением, которое, как утверждается, было дано Христом своему любимому ученику Иоанну. Иоанн спрашивает о состоянии Сатаны до его падения и слышит ответ о его величии, которого он лишился из-за того, что захотел стать подобным Богу, и в результате пал на землю, которая была ещё покрыта водой, и нашёл двух рыб, запряжённых вместе, подобно волам для пахоты от захода до восхода, то есть от запада до востока. Далее возникает образ Сатаны, который был остановлен огнём (его природой) от погружения глубже и вернулся на небеса. Но вскоре он был изгнан оттуда из-за своей надменности. Ему, однако, была выделена неделя, за которую он создал землю, подобно тому, как это описывается в «Бытии» (§225).

Юнг отмечает, что идея о том, что именно Сатана, а не Бог, сотворил землю, была в то время очень широко распространена в нескольких сектах. Но для нас важной темой в этом тексте являются две рыбы, запряжённые вместе, подобно волам для пахоты. Для того, чтобы понять этот символ, необходимо вспомнить то, как блаженный Августин истолковал двух рыб в чуде насыщения пяти тысяч. Две рыбы представляют для Августина царскую и духовную власть, потому что они выдерживают возмущения простонародья, как рыбы выдерживают волнения моря. Две рыбы в нашем тексте не те же самые, что в упомянутом чуде, однако мы видим, что рыбы рассматриваются как направляющие силы. Поскольку перед нами еретический текст, вероятно он отсылает к идее двойного сыновства, изложенной

Епифанием и эбионитами, согласно которой у Бога было два сына: Сатанаил и Христос (§228).

В особенности любопытно, что Сатана находит этих двух рыб *до творения*, поэтому мы можем предположить, что они осмысливались как рыбы в Зодиаке. Космогонические мифы являются, по сути дела, символами пробуждения сознания (как вы знаете из лекций д-ра фон Франц о мифах творения), поэтому эти рыбы характеризовали асцендент, момент рождения мира. Приводя больше подтверждающих данных, Юнг подводит итог, отмечая: «Таким образом, говоря психологически, две рыбы, которые дьявол находит в первозданных водах, означают недавно возникший мир сознания» (§230). (Я напоминаю вам, что знак рыб является двенадцатым знаком Зодиака, концом и началом.)

Где бы человек ни распахивал целину, он покоряет часть первозданной почвы. Это значит, что знак рыб будет управлять этим миром и, действуя посредством астрологической судьбы человека, формировать его сознание. Большинство вещей родилось на востоке, но их освоение началось на западе. Этот мотив отчётливо проявляется в алхимии, где работа начинается с нигредо, погружения в бессознательное, и распахивания пути на восток, к восходящему солнцу сознания (§231).

Секта катаров возникла вскоре после прохождения поворотной точки в развитии знака рыб от Христа к Антихристу. Но нам неизвестно, являются ли упоминания в тексте сознательной отсылкой к астрологическим представлениям или, скорее, результатом синхронии из бессознательного. Мы достаточно хорошо знаем из мифов и сказок, что бессознательное постоянно производит такие явления (§233).

Затем Юнг углубляется – более ясно, чем раньше – в последовательность событий в знаке Рыб и говорит, что новый мир начался примерно в 1000 году н.э., и его наступление было

вскоре провозглашено всеми сектами, которые возникли в одно время с Иоахимом Флорским, объявившим о новой эре Святого Духа. Почти в это же время возникла средневековая алхимия, и обе – особенно идея эры Святого Духа – привели к Реформации, которая, в свою очередь, привела к интронизации богини разума в Нотр Дам де Пари и победе естественных наук, ведущей ко всё более жуткому развитию современности и влекущему серьёзные последствия «выпариванию христианства под натиском рационализма, интеллектуализма, материализма и так называемого «реализма» (§235).

Юнг заканчивает главу несколькими очень интересными снами о золотой и серебряной рыбах, но я не буду пытаться резюмировать эти сны или их интерпретации, поскольку их нужно изучать во всей полноте. Это другой пример старого символизма рыб, спонтанно проявившегося в бессознательном юной девушки, которая ничего не знала об истории этого символа (§236).

Две рыбы, запряжённые подобно быкам и найденные Сатаной среди всех образов, восхитили меня своими деталями. Утверждается, что это было откровением Христа Иоанну, когда тот отдыхал на груди Господа, и это отводит более позитивную роль его противоположности, чем мы обычно считаем. Действительно, Сатана падает с небес в ортодоксальном смысле, поскольку церковь учит, что Христос видел, как он это сделал, но он не только находит двух рыб, связанных вместе для общей цели, но и творит мир. Последняя точка зрения в действительности довольно обычна, поэтому интересно только, что текст катаров вкладывает её в уста Христа. Но две рыбы, совместно работающие для некой цели, напоминают нам Гора и Сета, совместно работавших для того, чтобы помочь *одному* богу Осирису достичь небесной квартирности, и эта идея очень редко встречается в христианских текстах, даже еретических.

То, что именно Сатана находит двух связанных рыб, кажется мне особенно значимым в свете того факта, что текст был создан во время второй рыбы, которая связана с Антихристом, и, как мне представляется, содержит зерно надежды, что мы можем очень хорошо работать с ним в эти тёмные дни. То есть, кажется, согласно этому тексту, есть надежда на объединение оппозиций, и несмотря на то, что эти дни управляются тёмным братом, фактически, именно он ведёт к тому, что жуткое время, в которое мы живём, всё же приведёт к союзу противоположностей.

Глава 11. Алхимическая интерпретация Рыб

Эта глава начинается с возвращения к рыбе-прилипало. Мы узнаём из ссылки – я уже упоминала этот факт ранее – что Дюканж в своём «Глоссариуме» связывает её второе латинское название *remora* (*remora* по-латыни «удерживание») с тем, что эта маленькая рыба способна удерживать корабль неподвижным даже в шторм. С точки зрения алхимиков, адепту следует, подобно ей, обрести эту тайну притяжения от рыбы и затем использовать её в своей работе по изготовлению *ляписа* или *filius philosophorum* (лат. «сына философов»).

Один анонимный французский автор настаивает на том, что «магнит мудрого», которым останавливает суда эта чудодейственная рыба, *может быть изучен*. Сутью этой тайны алхимической «доктрины» или «теории» является подлинное снадобье алхимии: открытие или получение *primamateria*. Как мы знаем, у неё тысячи названий, алхимики много говорят о ней, но рассказывают о ней мало или ничего. По-видимому, такого конкретного вещества не существовало, и не было ничего, что можно было бы ухватить интеллектом (§240).

Одним из длинного списка её имён является магнезия, хотя, разумеется, речь идёт не о химической окиси магния. Она близко ассоциировалась с магнитом не только по звучанию или названию, но и по значению. Розинус, например, говорит о «*lapis animalis*» (животном камне), который способен чувствовать или воспринимать воздействие магнезии или магнита. Юнг цитирует многих авторов, из которых я упомяну только Дорна, который говорит о духе, скрытом в магнитном камне, поскольку мы не можем видеть его сил или притяжения глазами. Таинственное действие необъяснимой силы магнетизма на наших предков

хорошо описано блаженным Августином, который говорит, что «холодная дрожь» пробежала по нему, когда он впервые её увидел (*vehementer inhorruī*, лат. «трепет ужаса») (§243).

Подобно небесной росе и воде, магнит символизировал саму алхимическую доктрину, поэтому мы слышим, что он может быть изучен. Согласно Дорну, Гентилы говорят, что «природа стремится к природе, подобной ей самой, и обладает своей собственной природой», это отсылка к хорошо известной аксиоме Демокрита: «Природа обладает природой, природа подчиняет природу, природа управляет природой» (§244).

Примеры двойной гермафродитной природы приводятся затем в нескольких отрывках, и Юнг говорит, что, очевидно, должно быть проведено различие между двумя категориями символов: те, которые отсылают к внепсихической субстанции (или её метафизическому эквиваленту), такие как *serpens mercurialis* (лат. «змеи меркурия»), *spitius* («дух»), *veritas* («истина») и т.д., и те, которые обозначают химические препараты, такие как растворители или их «философский» эквивалент, *теория* или сверхъестественное действие на материю (§246).

Пернети описывает это смешение, когда говорит: «Не следует полагать, что этот магнит является обычным магнитом. Они (алхимики) дали ему это имя только из-за его естественного сходства со сталью» и т.д. (§247).

У Дорна это проявляется аналогичным образом: *veritas* («истина»), которая для него скрыта в естественных вещах, представляет собой – в то же время – «нравственную» концепцию. Эта истина является медициной, которая не нуждается в лекарствах, поскольку сама является подлинным лекарством, и может восстановить вещи до такого состояния, какими они были до своего загрязнения. «Философы благодаря разновидности божественного откровения знали, что эта добродетель и

божественная сила могут быть освобождены от оков, не с помощью противоположности... но посредством схождения». И далее: «скорее миром, чем войной» (§248).

Как Юнг утверждает позднее, Дорн был единственным мыслителем, который с предельной ясностью распознал удивительную дилемму алхимии: тайное вещество одно и то же, найдено ли оно «внутри» человека или вне его. Алхимические процедуры имеют место внутри и вовне, и тот, кто не понимает, как освободить истину в самом себе, никогда не сможет сделать это снаружи в физическом опусе (§249).

Дорн приходит к тому, что начинает всё сильнее и сильнее понимать фундаментальную важность самопознания. То, чего вы ждёте снаружи, сначала должно быть применено к вам самим. Мы никогда не сможем отделаться от сомнения иначе, чем с помощью эксперимента, и мы не можем осуществить этот эксперимент в лучшем месте, нежели в нас самих. Поэтому Дорн увещевает адептов: «Учитесь изнутри себя познавать всё, что существует на небесах и на земле» (§250).

Такое знание, очевидно, является не знанием природы эго, но объективным знанием природы Самости. Юнг говорит в «Примечаниях к лекциям, данным в Государственном техническом университете Цюриха»:

«Что касается этого самопознания, это действительно знание, проникающее внутрь нашего собственного существа, не совершайте ошибки, думая, что оно означает видение эго. Понимание эго – это детская игра, но видение Самости представляет собой нечто совершенно иное. Подлинная трудность лежит в распознавании неизвестного. Никто не будет оставлять проигнорированным тот факт, что он стремится к могуществу, что он хочет стать очень богатым, что он стал бы деспотом, если бы у него была такая возможность, что он ищет удовольствия, завидует

другим людям и так далее. Все *могут* знать о себе такие вещи, потому что они являются всего лишь знанием эго. Но знание Самости является чем-то совершенно другим, это означает учиться познавать вещи, которые неизвестны» (1960, с. 72).

Это объективное знание Самости, которое имеет в виду Дорн, когда говорит: «Никто не может знать себя до тех пор, пока он не узнает, *чем*, а не *кем* он является» (§252).

Различие между чем и кем является критическим, поскольку «кто» — это местоимение лица и отсылает к эго, а «что» — местоимение предмета и отсылает к объекту. Это означает, что сама психе является неизвестным, не зависящим от суждений объектом, который всё ещё нуждается в исследовании (§252).

Вы видите, что до тех пор, пока человек не обретает какие-то идеи относительно того, чем является «что» в самом себе, он может быть захвачен им почти вслепую, как это произошло, например, с немцами и концентрационными лагерями. Если бы только большинство остановилось, чтобы подумать о том, что они делают! Но поскольку у них не было идеи «что» в человеческой душе, ни в теновом, ни в светлом аспектах, они просто позволили себе быть пойманными и одержимыми тёмной стороной. Я читаю «Дневник девочки» Анны Франк. Она скрывалась в Амстердаме два года, перед тем как её поймали и заключили в концентрационный лагерь в Освенциме и затем в Бельзене. Книга даёт вам некоторое представление о немыслимом, которое захватило людей настолько, что они могли так относиться к беззащитной девушке и считать своим долгом уничтожить её. И это действительно серьёзная причина, по которой нам следует знать «что» в нас.

Алхимик XVI века с его *quis* (кто) и *quod* (что) явно прикоснулся к чему-то, обо что психологи всё ещё спотыкаются по сей день. Это возвращает нас к началу *Fundamentum* (лат. «Основания») Игнатия

Лойолы: «Человек был сотворён для того, чтобы молиться, выражать почтение и служить Богу, Господу нашему, и таким образом сохранить свою душу» (§252).

Если мы переведём эту сентенцию с теологического языка на психологический, она будет означать примерно следующее: человеческое сознание было создано таким образом, что оно может осознать своё происхождение от высшего единства, исследовать и выразить надлежащее уважение своему источнику, исполнить его указания разумно и ответственно и таким образом дать тотальной психе наилучший уровень жизни и развития (§253).

Пересказ является (и был задуман) рациональным и разумным, поскольку современный ум более не воспринимает почти двухтысячелетний язык теологии в результате того, что этот язык с тех пор в значительной степени выхолощен пустыми словоизлияниями или равнодушием (§254).

Мы предпочитаем зарывать свои таланты (Лк. 19:12) и не понимать, что зло «работает» везде, хотя это крайне инфантильно, поскольку чем более бессознательными мы становимся, тем больше дьявол управляет нами. Именно из-за внутреннего бессознательного соединения с тёмной стороной человек толпы так фатально и невероятно легко совершает самые ужасающие преступления, ни на мгновение не задумываясь о том, что он делает. Только безжалостное самопознание в широком масштабе может спасти нас от печального итога (§255).

Живший в XVI веке Дорн выразил критическую важность самопознания очень ясно, но мы находим её в литературе гораздо раньше, например, у Мориения Римлянина, в VII-VIII веках, и в «*Rosinus ad Sarratantam Episcopum*» (лат. «Розин – епископу Сарратантскому»), одном из старейших арабских переводов утраченного текста Зосимоса. Последний текст – довольно сложный отрывок, который я оставляю вам для самостоятельного

изучения, он очень точно описывает ситуацию, связанную с Самостью. Она мала – мельчайшее из малого – и её легко просмотреть. Она нуждается в помощи и должна быть воспринята, защищена и, так сказать, выстроена сознательным умом, но, по сравнению с ним, она всегда была здесь и является *spiritus rector* (лат. «управляющим духом») нашей судьбы. Она гораздо более велика, чем эго, которое всегда содержится в ней, хотя в этом мире она зависит от нашего знания о ней (§256).

Другие цитируемые отрывки из мастеров, предшествовавших Дорну, содержат описания, удивительно созвучные нашему собственному опыту Самости; впрочем, удивительно ли это, ведь для архетипа естественны такие совпадения везде, где кто-то способен воспринять его? Проблема заключается в том, что человеку необходимо достаточно знаний для того, чтобы быть способным усвоить опыт, когда он возникает, в противном случае этот опыт просто вызывает невротические симптомы. Вот почему так жизненно важно рассказывать детям сказки и легенды, а взрослым – изучать религиозные догматы, поскольку эти вещи являются символами и действуют как средства привнесения такого опыта в сознание, где он может быть истолкован и усвоен. Когда этого не происходит, энергия стекает в содержимое сознания и усиливает это содержимое до патологических масштабов, и мы становимся жертвой фобий, интеллектуальных извращений и подобного (§259).

Алхимик, у которого не было концепции коллективного бессознательного, всегда запутывался относительно того, где была Самость – снаружи или вовне, и многие алхимики по старинке воспринимали её как внешнюю реальность. Дорн приходит к этому парадоксу следующим образом: после того, как он говорит, что «незагрязнённое лекарство может быть найдено только в небесах», он добавляет: «человек не может породить его в себе, но [лишь] в том, что подобно ему, что с тех же [небес]».

Дорн имеет в виду то же, что и индийцы, когда они говорят о личном и универсальном Атмане. Сегодня нам следует называть это бессознательным и быть способными различать личное бессознательное, которое может быть распознано в нашей собственной тени, и безличное или коллективное бессознательное в нас самих, которое может быть распознано как архетипический символ Самости.

Когда Дорн говорит, что объединить противоположности можно только в камне, когда человек сделает это внутри себя, он описывает именно процесс индивидуации. Он осознавал тождество ляписа с преображённым человеком, когда восклицал: «Преобразите себя из мёртвых камней в живые философские камни». Он также говорит об этой истине, сияющей в нас, но нам не принадлежащей, нам не следует искать её в себе, но в образе Бога, который *есть в нас* (§264).

Юнг заканчивает главу, говоря о том, как примечательно, что Дорн, который выражался гораздо более ясно, чем его последователь Якоб Бёме, остаётся до сегодняшнего дня почти неизвестным. Таким образом он разделил судьбу герметической философии (алхимии) в целом, которая остаётся для большинства людей книгой за семью печатями. Тем не менее эта книга *должна* быть открыта, если мы хотим понимать сегодняшний день, поскольку алхимия, а не схоластика, является прародительницей неотъемлемой сущности современного научного мышления (§266).

Глава 12. Истоки психологии христианского алхимического символизма

Эта глава начинается с утверждения, что «Мать-алхимия» может служить названием целой эпохи. Алхимия началась почти с христианской эрой, дала рождение в XVI и XVII веках веку науки и затем была забыта. Но каждая мать является сперва дочерью, и алхимия была дочерью гностицизма, который – с помощью греческой философии, мифологий Малой Азии и иудейской каббалы – попытался синтезировать психические и мистические аспекты в единое видение мира. Если бы он преуспел в этом, наш мир не разделился бы на две параллельные точки зрения, как это имеет место сегодня, когда ни одна из них даже не пытается или не желает знать что-либо о другой (§267).

Это разделение было заметно уже в XVIII веке, в расколе между верой и знанием. Вере не хватало опыта, а наука пренебрегала душой, игнорируя само существование психе. Наше христианское вероучение высоко определяет символ психе, но исключает природу. Поэтому всегда были подводные течения (подобно алхимии), которые старались исследовать эмпирическую сторону природы, изнутри и извне (§268).

Теология продолжает использовать язык, который для подавляющего большинства сегодня стал невразумителен. Слово *догма* даже приобрело неприятный оттенок и часто используется для того, чтобы подчеркнуть косность или предвзятость, оно почти совершенно потеряло своё значение в качестве символа непостижимого, однако действительного факта. Вплоть до недавнего провозглашения *Assumptio Mariae* (лат. «Вознесения Марии») она почти не обсуждалась даже в теологических кругах – явный знак того, что символ увядает. Многие люди ищут ему замену на Востоке, например в Индии. Но хотя индийские

символы выражают бессознательное так же, как и христианские, они выражают не наше духовное прошлое, а своё собственное. Поэтому, хотя мы можем многому научиться у Индии, она не может выразить наше собственное накопленное прошлое, мы никогда не достигнем таким образом своих корней, поскольку мы укоренены в почти двухтысячелетней истории христианства. В определённых частях Европы, конечно, он сокращается немногим более чем на 500 лет, и тогда мы достигаем языческих времён и германских мифов (в прошлую войну проявленных чересчур отчётливо). (§270).

Безусловно, распространение христианства среди варварских народов способствовало определённой жёсткости догмы, как мы можем более ясно видеть в исламе, который стал одновременно жёстким и фанатичным. Это очень сильно отличается от того направления, в котором шло развитие на Востоке, где Будда был мирно вновь поглощён индуизмом менее чем за тысячелетие (§272).

Мы не можем принять восточные формы мысли без вырывания своих корней, поскольку мы укоренены в христианской почве, и хотя это кое-где опасно тонко, затем нам следует иметь дело с нашим собственным первоначальным язычеством, и мы не можем обойти его стороной, перескочив на Восток (§273).

Мы находим некоторые из этих языческих течений в алхимии, которая, достигнув зенита в XVI-XVII веках, затем очевидно исчезла, и наука привела в XIX веке к материализму, а в XX — к так называемому «реализму», конца которому пока не видно. Сколько бы ненавистно для нас ни было видеть или признавать это, церковь — это беспомощный свидетель, поэтому. хотя её послание всё ещё эффективно, она не использует языка настоящего, но повторяет, как попугай, священные слова, почитаемые веками, не обращая внимания на то, понимает она их или нет. Если бы апостол Павел использовал язык и мифы минойской эпохи для

того, чтобы проповедовать евангелие афинянам, какой бы успех он имел? Язык, который использует церковь, был создан в ту эпоху, когда людям было совсем не трудно верить в чудеса, и у них не было современных знаний, иными словами никакого скептицизма для того, чтобы иметь с ними дело. Каждый школьник сегодня знает об особенностях природы больше, чем все тома естественной истории Плиния вместе взятые, однако церковь продолжает говорить на языке образов, которые выглядят обманчиво знакомыми и тем не менее очень далёкими от сознательного понимания современного человека. Ей следует изменить свой язык, чтобы была хоть какая-то надежда на то, что её сущностный смысл останется действенным (§274).

Мост между догмой и внутренним опытом индивидуума разрушен, и мы должны признать этот факт. Вера человека античности или средневекового христианина никогда не шла в разрез с *consensus gentium* (общим мнением), а поддерживалась им. Всё это за последние триста лет радикально изменилось. Но предпринимают ли теологические круги какие-либо попытки для того, чтобы не отставать от этого факта (§276)?

Есть огромная опасность, что новое вино разорвёт старые мехи и что мы повторим ошибку Реформации, отбросив всё, чего мы не понимаем (§277).

Многих людей удивляет, что Юнг как врач и психолог делает такое ударение на догме. Но те же причины, по которым алхимик настаивал на своей *теории*, побуждали Юнга внимательно отнестись к догме, то есть необходимость достичь корней гипотезы, с которой мы экспериментируем. Доктрина алхимиков заключалась в квинтэссенции символизма бессознательных процессов, подобно тому как догма является сгущением или средоточием так называемой «истории спасения», то есть мифа о божественном бытии и делании с изначальных дней. Чтобы понять доктрину алхимиков, мы должны вернуться к

индивидууму, равно как и в случае с христианской догмой, и для нас действительно жизненно важно так сделать – мы должны сначала рассмотреть мифы Малой Азии, которые являются основанием христианства, и мифологию в целом как выражение общей предрасположенности человека, которую Юнг назвал коллективным бессознательным (§278).

Мифы и фантазии выражают бессознательные процессы, и их изучение оживляет бессознательное и начинает восстанавливать связь между сознанием и бессознательным. Пагубно, когда эти двое разделены, и они никогда не могут воссоединиться без *tertiumquodnondatur* (лат. «третьего, которое не дано»), живого символа. По этой причине древние сравнили символ с водой – так, например, инь и ян, объединённые в дао, часто представляют как «русло духа», направляющее движение реки. Церковный символ – это *aquadoctrinae* (вода вероучения), а алхимический – «божественная вода», двойной аспект которой представлен Меркурием. Эта символическая вода исцеляет и обновляет везде – будь то христианская вода крещения, дао или алхимический эликсир, показывая лечебный характер своей мифологической подоплёки. И в психологии мы также знаем, что есть моральная проблема противоположностей в глубине каждого невроза, которая никогда не может быть решена рационально, но только чем-то превосходящим обе стороны, символом (§280).

Проблема интеграции бессознательного может быть решена только продолжением направлений, проложенных историей, но это предполагает непрерывность в развитии. Присутствующая тенденция к разрушению, которая позволяет целой традиции впасть в бессознательное, действительно может прервать нормальное развитие периодом варварства продолжительностью несколько сотен лет. Там, где идея марксистской утопии победила, это уже имеет место. И преимущественно научное и техническое образование, которое является отличительной чертой Соединенных Штатов, может привести к повороту от духовных

ценностей и таким образом значительно усилить психическое расщепление. Потеря корней и нехватка традиции просто приглашают невроз и таким образом готовят почву для массовой истерии. Что-то (разновидность коллективной терапии) используется для коллективной истерии, и тогда индивидуальная свобода исчезает, и начинается терроризирование (§282).

Затем Юнг обобщает вышеизложенное и говорит, что он старался показать разновидность психической матрицы, в которой была спонтанно ассимилирована фигура Христа. Если бы не было сходства (магнит!) между фигурой Искупителя и определённым содержанием бессознательного, человеческий ум никогда не увидел бы свет Христа и не был так страстно захвачен им (§283).

Именно неканонический образ рыб погрузил нас в эту матрицу, дал возможность получить опыт неизвестной сферы архетипов, где последние неустанно меняют имена и одеяния, и мы можем только пытаться изучить что-то из их скрытого ядра, приближаясь к ним. Ляпис с его тысячью имён является не Христом, но его параллелью в субъективной реальности, и поэтому он помогает нам осознать, что означает Христос в субъективном опыте (§284).

Символ Рыб представляет спонтанную ассимиляцию фигуры Христа каким он показан в Евангелиях и является, так сказать, симптомом того, как он был воспринят бессознательным. Связанный с Отцами Церкви символ распятия как наживки для того, чтобы поймать Левиафана, является очень характерным: рыба была поймана и вытащена из глубин, привлечённая фигурой Христа. Но сам Христос? Он также провозглашён как Ихтис (рыба), и это предполагает, что он также поднялся из глубин. Поэтому символ Рыб создаёт мост между историческим Христом и психической природой человека, где архетип искипителя находится у себя дома. Таким образом Христос стал внутренним опытом (§285).

Мы видим, что алхимический символизм рыбы ведёт прямо по направлению к *ляпису*, выражаясь языком психологии – к Самости. Таким образом у нас есть новый символ на месте рыбы: психологическое понятие человеческой целостности (§286).

[Здесь, поскольку это последнее предложение кажется мне сложным для понимания, особенно на английском, я хочу напомнить вам, что символ всегда является лучшим из возможных выражений неизвестного факта за пределами нашего понимания, поэтому когда дело доходит до нового символа, мы ещё раз стараемся выразить невыразимое.]

Юнг говорит, что насколько рыба более или менее является Христом, настолько Самость более или менее является Божеством. Они оба соответствуют внешнему выражению и внутреннему опыту. Идея человеческой целостности представляет собой, так сказать, новую ассимиляцию Христа в психической матрице или дальнейшее осмысление сына Бога. На этот раз он не принимает звероподобной формы, но выражен как понятие, как «философский» символ. Это подчёркивает рост сознания, по сравнению с немой и бессознательной рыбой (§286).

Глава 13. Гностические символы Самости

Две последние главы – самые большие в книге и, вероятно, самые важные. Очень неприятно, что мне необходимо сокращать их. Глава XII разделена не менее чем на восемь подглав, каждая из которых заслуживает времени отдельной главы.

Часть 1

Первая часть начинается с объяснения того, что, поскольку всякое осознание является разновидностью переосознания, следует ожидать, что постепенное развитие, которое мы рассматриваем, должно иметь прообраз или быть ожидаемым в начале эпохи. Мы находим это уже в гностицизме, к которому нам следует теперь обратить своё внимание (§287).

Идея магнита, например, которой мы касались в связи с *echineisremora* (рыбой-прилипало) и ляписом в алхимии, встречается три раза в «Эленхос» Ипполита Римского. Сначала он возникает как вода в доктрине наассенов. Это вода Ефрата – четвёртой важнейшей реки рая, обладающая теми же притягательными качествами, что и *aquadoctrinae* (лат. «вода вероучения»), которая открывает путь к совершенствованию каждой сущности в её индивидуальности и таким образом также делает человека целостным (§288).

В ператическом учении это Сын, символизируемый змеей, которая имеет притягательный эффект. Змея – это эквивалент рыбы: Искупитель – это рыба, поскольку он поднялся из неведомых глубин, и змея, поскольку Христос более аутентичен, чем рыба (то есть, это сравнение можно найти в аутентичных поучениях); если рыба просто появляется в графических изображениях на статуях и

древней утвари, последняя, кажется, была более популярна среди ранних христиан. Звероподобные символы часто встречаются в снах, и для психотерапии важно понимать, что они отражают уровни бессознательного: теплокровное животное представляет что-то гораздо более близкое к сознанию, чем хладнокровное или даже беспозвоночное (§290).

В учении сетиан магнетическое притяжение приписывается Логосу. Здесь мы находим очень близкую параллель к ахимическим *divisioni separatio* (лат. разделение и сепарация). Результатом разделения является то, что всё ускоряет движение к своему «собственному месту» и к тому, что родственно ему. Логос символизируется лучом света или мгновенной искрой в расположенных внизу тёмных водах. Ипполит говорит, что эта искра или луч света, «полученный от учения и ищущий надлежащее место, устремляется к логосу, который приходит с небес в форме невольника... быстрее, чем железо [летит] к магниту» (§292).

Таким образом тремя магнетическими факторами являются вода, безжизненная и пассивная субстанция; змея, живое и независимое существо, и логос, философская идея. Очевидно, все эти три символа являются попытками описать непостижимого истинного Бога. Все три – явления ассимиляции, загадочны в себе и потому частично независимы. Если бы такие явления не возникли, это означало бы, что благая весть Христа не произвела никакого действия. Иными словами, такие явления показывают, что историческое появление фигуры Христа пробудило содержание, которое дремало в человеческом бессознательном, и привлекло его, как магнит. Эгоориентированная психе была таким образом полностью изменена и направлена к другой цели или магнетическому центру. Человек затем пытался охарактеризовать этот непостижимый центр с помощью бесчисленных названий и символов, таких как рыба, змея, монада, крест, рай и т.д. Мейстер Экхарт использовал кое-то из подобного символизма, когда

старался описать отношение Адама к высшему богу, с одной стороны, и к низшим творениям – с другой (§294).

Я просто хотела бы отметить, что едва ли имеется лучшее описание процесса индивидуации. Если вы вспомните, например, свои собственные сны и их попытки охарактеризовать неведомый центр Самости, вы можете получить идею о том, как эта новая формулировка и название – то есть, процесс индицидуации – было ассимилировано матрицей бессознательного и насколько похожа эта ассимиляция по своей природе на ассимиляцию фигуры Искупителя в том виде, в каком её описывали гностики. Конечно, язык сильно изменился, змея теперь может быть представлена поездом, а вспышка или луч – поворотом выключателя электрического света, но вновь, в точности как у гностиков, это присутствует, как будто бессознательное старалось выразить с помощью всех имеющихся образов характеристики центра, которому должно подчиниться одностороннее эго.

Вы, вероятно, помните современное описание того же процесса в «Психологии и алхимии», но я всё же хочу напомнить вам об этом. В конце второй части о символах сна Юнг говорит о символах Самости, которые появились в этой серии снов, и говорит о том, что больше всего его впечатляет последовательное развитие центрального символа. Он отмечает:

«Нам трудно избавиться от ощущения, что бессознательный процесс движется по спирали, постепенно приближаясь к центру, в то время как характеристики центра становятся всё более чёткими. Или, вероятно, мы можем установить это другим путём и сказать, что центр – сам практически непознаваемый – действует как магнит на несопоставимые составляющие и процессы бессознательного, захватывая их словно в кристаллическую решётку. По этой причине центр (в других случаях) часто изображается как паук в своей паутине, особенно когда в сознательном отношении ещё преобладает страх перед

бессознательными процессами. Но если процессу позволено развиваться своим чередом, как это было в нашем случае, тогда центральный символ, постоянно обновляясь, будет уверенно и последовательно прокладывать свой путь через очевидный хаос личной психе и её драматические хитросплетения, подобно тому как эпитафия великого Бернулли говорит о спирали: «Eadem mutata resurgo» (лат. «Изменённая, я вновь воскресаю»). Таким образом мы часто находим спиральные репрезентации центра, например змею, свернувшуюся кольцами вокруг творческой точки – яйца (Юнг 1944, §325).

В самом деле, кажется, будто все личные хитросплетения и драматические перемены судьбы, которые делают жизнь насыщенной, были ни чем иным как колебаниями, робкими отступлениями, почти незначительными затруднениями и мелочными оправданиями для того, чтобы не встретить окончательность этого странного и пугающего процесса кристаллизации. Часто возникает впечатление, что личная психе бежит вокруг этой центральной точки, как осторожное животное, однажды загипнотизированное и испуганное, всегда в движении и всё же постепенно подходящее всё ближе. Я надеюсь, что не даю оснований для ошибочного представления, будто знаю что-либо о природе «центра», поскольку он просто непостижим и может быть выражен только символически посредством своей собственной феноменологии, как и, кстати, в случае с каждым объектом опыта.

Поэтому, с точки зрения психологии, фигура Христа в качестве символа Самости действует как магнетический центр для человеческого бессознательного, пробуждает содержание, которое спало в нём, и направляет его в нужное русло.

Часть 2

Юнг начинает эту часть, подчёркивая, что тот же процесс всё ещё действует сегодня. Он говорит вначале о случае невроза и о том,

как необходимо стараться создать более широкую личность, добавляя содержание бессознательного, в точности как христианские гностики, например, расширили личность старых мастеров, чтобы воспринять фигуру Христа, привнеся символы, которые мы обсуждаем. (Необходимость чего-то в этом роде очень заметна в случае апостола Павла. Он сужал своё мировоззрение всё уже и уже в невротической судороге отвержения Христа и христиан с помощью гонений, но его границы были взорваны и широко открыты его видением на пути в Дамаск. Человека меньшего масштаба, чем апостол Павел, такое неожиданное видение разрушило бы полностью.) Юнг продолжает, говоря, что когда это содержание, которое обычно проявляется в снах или в активном воображении, усваивается, мы обнаруживаем, что постепенно возникает новый центр притяжения, который, хотя это может противоречить целям эго, подобно магниту притягивает всё на правильное место в соответствии с самобытным основополагающим намерением личности. Это основание могло уже проявляться в детских снах, поскольку мандала присутствует здесь с самого начала, но она могла пониматься только как целостность, привнесённая в сознательную реальность, в последующей жизни пациента и старательно работать на содержание бессознательного и на синтез сознания и бессознательного (§297).

Идея бессознательного не была известна гностикам, и Юнг приводит не одну выдержку, которые прямо говорят о бессознательном Само-Отца (отца самого себя, титул изначального божества), хотя это не так обычно, как идея высшего божества, смотрящего сверху вниз на «времена неведения» и ужасающегося тому, что сотворил демиург, и потому запускающего полным ходом работу искупления (§299). В ссылке Юнг проводит параллель с чашей, наполненной мировым разумом, благодаря которой люди, стремящиеся к знанию, могут обрести высший разум: «Бог говорит, что люди полны Высшим разумом, которому следует познать самого себя» (§299). Гностическая идея божества,

которое само пребывает в бессознательности, не очень похожа на традиционную христианскую идею того, что ветхозаветный Бог гнева трансформировался в лоне пречистой Девы в новозаветного Бога любви. Ребекка Шерф-Клюгер показывает даже в своей книге «Сатана в Ветхом Завете» (1967), что обычная трансформация и дифференциация Богообраза была уже в Ветхом Завете. Идею бессознательного творца мира можно найти также в Индии (§298).

Теологии Мейстера Экхарта также известно божество, которое ещё не вполне владеет собой и которое представляет абсолютное совпадение противоположностей. Настолько, насколько далеко заходит человеческая логика, такое состояние было бы бессознательным, поскольку здесь нет «другого» или оно ещё не возникло, нет возможности увеличения осознанности. Согласно Экхарту, в этом состоянии изначального единства божество не знает ничего, кроме того «сверхреального», коим оно является. Только отец, выделяясь из божественной природы, замечает себя, обретает самосознание, и сын исходит от отца как первая мысль его собственного бытия. Но поскольку изначальная божественная природа чрезвычайно бессознательна, таков же человек, который живёт в Боге. В своей проповеди о «нищих духом» Экхарт говорит:

«Человек, у которого есть эта нищета, имеет всё, чем он был, когда он не жил ни в какой мудрости, ни в себе, ни в истине, ни в Боге. Он так свободен и пуст от всякого знания, что никакое знание Бога не живёт в нём; до тех пор пока он пребывал в вечной природе Бога, он жил в нём, а не в другом: то, что жило там, было им самим. И таким образом мы говорим, что этот человек пуст от своего собственного знания, поскольку он был, когда он не был ничем; он позволяет Богу делать то, чего он желает, и он остаётся пустым, как если бы он пришёл от Бога» (§301).

Поэтому ему следует любить Бога следующим образом: «Любить его, поскольку он есть не-Бог, не дух, не человек, не образ, поскольку Он является абсолютным, чистым, ясным, каковым он является, отделённый от всего вторичного, и в это Он позволяет нам погружаться вечно, из ничего к ничему» (§301).

[Здесь мне следует вставить комментарий, поскольку это очень легко понять неправильно. Насколько я это понимаю, Мейстер Экхарт говорит о том же, о чём говорят алхимики, когда после бесконечного восхваления абсолютной необходимости чтения книг они внезапно восклицают: «Порвите книги, чтобы не были разорваны ваши сердца», или мастера дзэн, когда они внезапно высмеивают всё знание и учения Будды, чтобы их ученики могли испытать подлинное просветление.

Было бы очень легко думать, что Мейстер Экхарт восхвалял изначальную бессознательность, но, насколько я это понимаю, он рекомендует *сознательное* возвращение к состоянию, где противоположности объединены и не разделены, сознательное принесение в жертву эго, чтобы Самость – по определению пара соединённых противоположностей – могла действовать через человеческое существо.]

Вернёмся после этого отступления к нашей главе: Юнг восхваляет Экхарта как самый прекрасный цветок на древе Свободного Духа, которое возникло во время Иоахима, и говорит, что неудивительно, что его сочинения оставались совершенно неизвестными на протяжении шестисот лет, поскольку только в этом веке стали возникать люди, способные оценить величие его ума (§302).

Трансформация Богообраза, заметная в цитатах, происходит параллельно изменению в человеческом бессознательном; невозможно сказать, что из этого является причиной другого. Богообраз никогда не опрокидывается, он переживается, поэтому

перемена может произойти из бессознательного или бессознательное может почувствовать её (§303).

Единственное, что может сделать психология, это установить присутствие графических изображений, которые возникают, она не может знать заранее, что они означают. Как показывает эмпирический материал, эти символы имеют характер *целостности* и предположительно обозначают целостность. Как правило, они обладают свойством уникальности и представляют союз одной или двух пар противоположностей. Они возникают из конфликта между сознанием и бессознательным, особенно когда личность чувствует беспокойство или дезориентирована, и выступает как компенсирующий принцип или порядок. Психология может утверждать только, что символ целостности означает целостность индивида, но также является фактом то, что все религии использовали похожие образы, чтобы выразить божество (§304).

Юнг приводит затем много примеров и говорит, что исходя из опыта такие круговые и квартерные структуры представляют объединённую целостность человека. Тот факт, что так много религий называют цель, которую они представляют, «Богом», показывает их глубоко нуминозный характер, и в самом деле он имеет архетипическое происхождение, которое превосходит понимание всех человеческих существ или силу представления (§305).

Часть 3

Большая часть гностических символов принесена в данную часть, чтобы воплотить идею этой базовой структуры целостности и её универсального основания. Юнг говорит, что для того, чтобы читатель не был приведён в замешательство многочисленными гностическими символами центра нашего существа, ему следует помнить, что всё это изобилие не более чем различные аспекты

единой трансцендентальной идеи божественной тайны, присущей всем творениям, которую совершенно невозможно описать напрямую.

В целом я оставляю вам возможность самостоятельно ознакомиться с этим богатым материалом и упомяну лишь несколько моментов.

Я хочу включить сюда одно описание из древнего празднества Хеб-сед в Египте, поскольку Юнг говорит, что все царства коренятся в данной психологии: «Царь выходит из помещения, называемого святилищем, затем он поднимается в павильон, открытый на четыре стороны света, с четырьмя ведущими к нему лестницами. Имея при себе символы Осириса, он садится на трон и последовательно поворачивается к четырём основным направлениям... Это разновидность второй интронизации... и иногда царь действует как жрец, совершая подношения самому себе. Последнее действие может рассматриваться как высшая точка обожествления царя» (§309).

Царь представляет собой символ Самости для всех безымянных людей в толпе. Все его знаки отличия: корона, мантия, держава, скипетр и так далее — показывают, что он представляет космического Человека, который не только порождает мир, но и сам является им. Он *homotaximus* (лат. «человек величайший»), для которого гностики всегда старались найти подходящие образы и символы, поскольку чувствовали, что он является матрицей и организующим принципом сознания. Они сравнивали его с неделимой точкой, «зерном горчичным», из которого вырастает царствие небесное. Эта точка присутствует в человеческом теле, однако этот факт известен только духовному, а не материальному человеку. Эта точка, которой не существует и которая ничего не содержит, становится непостижимым величием (§310).

Наассены рассматривали Нааса (змея) как это центральное божество и утверждали, что оно было влажным веществом, практически водой. Оно пронизывает всё, подобно воде рая, разделяющейся на четыре реки. Три из этих четырёх рек рассматриваются как чувства: зрение, слух и обоняние, а четвёртая, Ефрат, является ртом, из которого исходит молитва и в который входит пища. Четвёртый элемент всегда представляет собой что-то особенное, подобно тому как в огненной печи Даниила «вид четвёртого подобен сыну Божию» (§311).

После этих фрагментарных отсылок я хочу обратиться к концу главы, поскольку в нём приводится следующий пример, который, я думаю, нам следует рассмотреть более подробно.

Ипполит сообщает, что «универсальным основанием» для гностиков-наассенов был изначальный человек Адам и что знание его является мостом к знанию Бога. Он является мужчиной и женщиной и состоит из трёх частей: разумной, душевной и земной. Эти три соединились в одном человеке Иисусе и последний таким образом связан с изначальным человеком и является вторым Адамом. Он является «благословенной природой, одновременно сокрытой и открытой» всего, что было, есть и будет, «царствием небесным», которое необходимо отыскать внутри человека, даже в семилетних детях. Поэтому наассены размещали «порождающую природу в порождающем семени». Юнг говорит, что если это рассматривать поверхностно, это начинает казаться истоком сексуальной теории, обретшей такую популярность в XIX веке. Но мы не должны забывать, что для наассенов порождающая сила человека является лишь одним из аспектов «порождающей природы целого». Это было сокрытым и мистическим логосом для наассенов, который они сравнивали с фаллосом Осириса и говорили, что «Осирис – это вода». Сущность его семени является причиной всех вещей, но не разделяет их природы. Поэтому они говорили: «Я становлюсь тем, кем я буду, и

есть тот, кто я есть», то есть он приводит в движение всё, но сам неподвижен, и говорят, что только он является благом (§313).

Следующим синонимом является итифаллический Гермес Киллениос. О нём они говорят: «Гермес является логосом, творцом всего, что существует, и всего, чему ещё надлежит появиться в будущем». В силу этого он почитается как фаллос, поскольку он, подобно мужскому органу, имеет стремление подниматься снизу вверх (§313).

Часть 4

Не только Логос, но и сам Христос втянуты в орбиту сексуального символизма, как мы видим из отрывка «*Interrogationes maiores Mariae*» (лат. «Большие вопросы Марии»), процитированного Епифанием. (Он также возникает в «Психологии и алхимии», но Юнг лишь обнаружил его и передал в печать позднее, поэтому гораздо больше места ему отводится в «Эоне»). В нём говорится, что Христос взял эту Марию с собой на гору, произвёл женщину из своего бока и совокупился с ней. Текст гласит: «отведав стекающего семени, показал, что это должно было быть сделано, чтобы мы могли иметь жизнь» (§314).

Юнг говорит, что вполне понятно, что такой грубый символизм не только шокировал бы современные чувства, но и был отвергнут христианами III или IV веков, и разумеется, если понимать его превратно и воспринимать исключительно в конкретном смысле, не остаётся ничего другого, кроме как отвергнуть его. Автор показывает, что он сознавал, что это может вызвать такую реакцию, поскольку Мария была шокирована и упала на землю, на что Христос сказал ей: «Сомневаешься ли ты во мне, маловерная?» Это отсылка к Евангелию от Иоанна, 3:12: «Если я сказал вам о земном, и вы не верите, – как поверите, если я буду говорить вам о небесном?» – и 6:54: «До тех пор, пока не будете есть плоть Сына человеческого и пить его кровь, не будет жизни в вас» (§314).

Этот символизм очень похож на тот, который мы часто находим в современных снах, которые также используют очень конкретные образы в формате «как будто», когда они, кажется, стремятся выразить ускользающий смысл. Следует привыкать к такому языку при анализе сновидений, и в действительности вполне возможно, что видение в нашем тексте возникло из подобного реального визионерского опыта или сна. Из контекста (Ин. 3:12) ясно следует, что видение имеет символическое значение, а не конкретный смысл, поскольку Христос говорил не о земном, а о небесном, то есть о духовной мистерии. Это является мистерией, а не загадкой, поскольку открытый язык видения не показывает желания что-либо скрывать. Однако она *является* тайной, поскольку сознание ещё не может постичь этого. Мы стараемся анализировать сны, которые также всегда запредельны нам, с этой точки зрения, и будем использовать подобный метод применительно к этому видению.

Гора означает восхождение, в особенности духовное восхождение к близости духа и месту, где Бог имеет обыкновение раскрывать себя. *Фигура Христа*, как мы увидели, имела центральное значение в то время, и в мире христианского гностицизма он был манифестацией Антропоса (изначального человека = Адама). Он является внутренним человеком, которого можно достичь познанием Самости. Как Антропос он представляет собой упорядочивающий, квартернарный архетип: круг в квадрате, Самость. Создание *женщины* из его бока показывает, что он рассматривается как второй Адам (ребро). Поскольку говорится, что Адам был андрогинным до создания Евы, здесь Христос демонстрирует свою андрогинную природу. Изначальный человек обычно двуполой, и мы находим символизм нашего видения также в ведической традиции. В христианской традиции эта женщина представляла бы церковь как невесту агнца (§319).

Разделение первоначального человека надвое означает становление сознательным; создано напряжение между противоположностями, которое делает сознание возможным. Для Марии, которая является очевидцем видения, это было бы проекцией бессознательных процессов в ней самой. Это является разделением единства, предположительно Антропоса, воплощённого Бога, и для Марии это показало бы ей, что она видела лишь чистую обожествлённую мужественность Христа и упускала из виду уравнивающую её женственность. Поэтому Христос как бы говорит ей: «Я одновременно мужчина и женщина» (§320).

После нескольких средневековых упоминаний о Христе как об андрогине Юнг выбирает видение Мехтильды Магдебургской, также на горе, где благословенная дева ожидала рождение божественного ребёнка. Я не буду углубляться в детали этого видения, упомяну только значимую разницу между ними: в древнем видении рождение Евы изображается на духовном уровне второго Адама. Она является, так сказать, второй Евой, женской пневмой, душой как дочерью Христа, в то время как видение Мехтильды продолжает священный миф: дочь-невеста порождает отца в фигуре сына. Этот сын близко родственен Самости, поскольку мы слышим, что у него был четырёхкратный голос, в его сердце были четыре вида пульса, и четыре луча исходили от его лица. Видение Мехтильды является голосом нового тысячелетия, где Экхарт расскажет нам о Боге, рождённом из души, и где в поэме Ангелуса Бог и Самость идентичны. Времена совершенно изменились, поэтому производительная сила, кажется, более не приписывается Богу, но последний, скорее, рождается из человеческой души. Мифологема молодого умирающего Бога принимает психологическую форму – знак дальнейшего усвоения и осознания (§321).

Возвращаясь к видению Марии: за переносом женщины следует сексуальный союз.

Hierosgamos (греч. «священный брак») на горе является хорошо известным мотивом (например, Зевс и Гера), и ещё несколько примеров инцеста известны из алхимии, Египта и т.д. (§322).

Наше видение тесно связано с несколькими космогоническими мифами, однако его темой является не создание мира, а духовное обновление. Изливание семени означает вскармливание жизни, оно происходит, как говорится, «чтобы мы могли иметь жизнь». Как становится ясно из текста, видение должно пониматься на «небесном» (духовном) уровне, поэтому оно должно быть предметом *logos spermatikos* (греч. «зародышевый, первоначальный логос»), который на языке евангелий означает живую воду, «превращающуюся в вечную жизнь» (§323).

Видение в целом очень похоже на некоторые символы, использовавшиеся в алхимии. Его резкий природный язык (по сравнению со сдержанностью языка церковного) отсылает, с одной стороны, к выразительности, использовавшейся в архаических религиях, предположительно преодоленной задолго до этого, и также обращается к еще зарождающемуся исследованию природы, которое только начало осваивать архетип человека. Эта попытка продолжалась до XVII века (§323).

Довольно похоже, что оно также, вероятно, ведёт к опровержениям, наподобие *privatioboni* (лат. «лишение добра»), но я не хочу оставлять это повествование без обсуждения. Мы подходим здесь к сфере, которая для нас на Западе очень незнакома, то есть к миру безличного секса.

Алхимия очень ясно показывает нам, что секс – это сила, которая объединяет мировые противоположности, и мне кажется, что если бы мы смогли достичь некоторого понимания того, что это такое, мы внесли бы свой вклад – крупницу на весах человечества – в дело объединения противоположностей, которые сегодня разделены

«железным занавесом», и таким образом, соответственно, уменьшили бы опасность атомной войны. Противоположности, которые не объединены, должны сражаться в соответствии с их природой.

Часть 5

После этого экскурса в фаллические синонимы изначального человека мы вернёмся к центральным символам наассенов и обратимся к Гермесу.

Гермес – это чародей духов, проводник душ и прародитель душ. Он «опустил души из благословенного Человека наверху в виде глины, чтобы они могли служить демиургу этого творения Есалдаю, огненному богу, четвёртому по счёту». Это отсылает к четвёртому лицу, дьяволу, который противостоит Троице (§325).

Гермес имел золотой жезл, которым он «капал сон в глаза мёртвого и пробуждал спящих». Наассены связывали это с Посланием к Ефесянам 5:14: «Пробудись, о спящий, и восстань от смерти, и Христос даст тебе свет».

Есть близкая параллель между ляписом алхимиков и ляписом наассенов, которые использовали символ скалы или камня для внутреннего человека, оба взяты из хорошо известного сравнения Христа с краеугольным камнем. И те, и другие говорят, что этот камень внутреннего человека «был отделён от горы без помощи рук», и Епифаний рассказывает нам, что гора – это архичеловек Христос, от которого был отделён камень или внутренний человек (§326).

Антропос – это логос, за которым души следуют, «щебеча», как летучие мыши следуют за Гермесом в некии. Они следуют за ним к Океану, источнику бога и человека. Люди рождены из отлива, а боги – из прилива. Говорится, что именно это означают слова «Я

сказал, вы боги, и все вы – сыны Высочайшего». Родство или даже идентичность Бога и человека ясно постулируется в Библии не меньше, чем в доктрине наассенов (§327).

Это ещё одно утверждение, которое очень легко понять неправильно. Как подчёркивает Юнг, сам Христос – и это включено в ортодоксальную Библию – говорит: «Вы боги». Сейчас обычно или упускают это из виду или отождествляются с этим, что ведёт к огромной инфляции. Психбольницы полны людьми, верящими в то, что они являются Христом.

Вероятно, самое ясное сравнение Юнг использует, когда говорит о том, что человек никогда не должен забывать, что является лишь хлебом, в котором рождается Бог. И если у нас и есть какой-то выбор, то он заключается лишь в том, быть этим хлебом или нет. Здесь мы действительно приходим к главной теме процесса индивидуации: желаем ли мы пожертвовать эго как своевольным односторонним ограниченным человеческим сознанием и осознать внутреннюю Самость и жить по её образу вместо своего собственного? Таков – насколько я могу его выразить – психологический смысл утверждения Христа «Вы боги», но, вероятно, легче понять его в словах апостола Павла: «Я живу, однако не я, но Христос живёт во мне» (Гал. 2:20).

Часть 6

Здесь мы начнём с *quaternios* (греч. «четверичности»), которая играет гораздо более важную роль в главе 14. Наассены производили все вещи из триады: свойств высшего благословенного человека, низшего человека и «расы без царя, порождённой свыше». Но четыре фигуры упоминаются как принадлежащие к этой третьей расе: желанная Мириам, великий мудрый Иофор, провидица Сефора (Зиппора, жена Моисея) и Моисей, потомство которого не осталось в Египте. Юнг углубляется затем в брак *quaternios*, показанный гностиками, но поскольку он

делает это гораздо более детально в следующей главе, мы отложим пока эту тему (§328).

Затем Юнг рассматривает другие названия триады наассенов. Единственная вещь, которую я хочу упомянуть здесь, это то, что триада, которая вновь понимается как «текущий вверх Иордан», течёт (порождая богов, как мы видели ранее), и этот Иордан также является человеческим гермафродитом во всех вещах, которого невежественный называет Герионом трёхчастного тела, но греки называют «небесным рогом луны». Текст также упоминает четверичность, просто говоря о ней как о равноценной им и также логосу (§330).

Логос или четверичность является также чашей Анакреона (с помощью которой царь получает свои предзнаменования), и Ипполит обращается затем к чуду в Кане, подчёркивая, что вино было царствием небесным, поскольку оно пребывает в нас, подобно вину в чаше. Эта чаша вновь является параллелью к ихтифаллическим богам, обозначающим изначального человека и возрождение человека духовного, который «во всех отношениях противоположен» естественному человеку, вот почему Христос говорит о том, что мы должны есть его тело и пить его кровь, поскольку, как говорит Ипполит, Христос «был сознанием *индивидуальной природы* каждого из своих учеников», а также *необходимости для каждого прийти к своей собственной особой природе* (§331).

[Должна отметить здесь, что меня поражает удивительное появление этой очень психологической формулировки в тексте второго века. В нём есть единство универсального и индивидуального и даже уникальная природа Самости (Атман и Пуруша), в которой все должны есть и пить (в истинном смысле) тело и кровь архетипического универсального Христа, но для того, чтобы суметь обрести свою собственную особую индивидуальность.]

«Эон» продолжается несколькими более ортодоксальными христианскими параллелями к частично языческим идеям гностиков, чтобы дать читателю более полную картину духа двух первых столетий нашей эры. Юнг показывает трудности, в которые оказались вовлечены христиане, из-за перевода греческого слова *teleios* как «совершенный» вместо «целый». Даже апостол Павел попадает в эту ловушку, когда заявляет в третьей главе «Послания к филиппийцам», что он ещё *не* совершенен, и тремя стихами далее говоря: «Давайте тогда в той мере, в какой мы совершенны, придерживаться этого», и в других текстах мы слышим, что «совершенный человек» тем не менее нуждается в обновлении через перерождение (§333).

Отцом этого *perfectus* (лат. «совершенного»), согласно Ипполиту, является высший человек, Антропос. Он является носителем мира и подавляет войну элементов в человеческом теле – утверждение, которое мы также встречаем в алхимии в связи с её *filius philosophorum* (лат. «сыном философов»). Он также называется трупом, поскольку погребён в теле, подобно мумии в гробнице. Мы находим ту же идею у Парацельса, где «мумия» соотносится именно с изначальным человеком (§334).

Мёртвый человек, как говорит Ипполит, восстанет вновь, пройдя через «дверь небес», которую видел Иаков в своём знаменитом сне на пути в Месопотамию – страну, которая опять же является «потокм великого океана, который проистекает из середины совершенного человека». Приводятся многие другие цитаты, отсылающие к этой дающей жизнь воде. Сам Христос является этой водой и впадает в мир через четыре евангелия, подобные четырём рекам рая (§336). Эти цитаты (которые я не сделала без какого-либо оправдания, но которые вы прочитаете самостоятельно) показывают, как много существует связей между гностиками и церковными источниками. Гностическая система символов вновь и вновь использует язык церкви, и отцы церкви, в

частности Ориген, постоянно глубоко вдаются в подробности точно так же, как и гностики.

Часть 7

Вернёмся к гностическим символам, которые перечисляет Ипполит: изначальный человек в его скрытом состоянии назван Айполосом, потому что он – полюс, вращающий вокруг себя космос – параллель к тому, что алхимики говорят о Меркурии. Наассены также называли Айполоса Протеем, который, как они утверждают, всегда говорит истину. (Юнг рассказывает затем хорошо известную историю об Одиссее, в которой Протей принимал множество форм, но должен быть возвращён в свою исходную форму перед тем, как он будет отвечать на вопросы) (§338).

Протей также сравнивается с зелёной землёй хлебов в Элевсинских мистериях. Крик «Бримо родила Бримоса» адресован ему. Низшее соответствие – это тёмный путь Персефоны, но люди нуждаются в этом низшем пути, «болезни любви», чтобы быть посвящёнными в «великие и небесные мистерии». В примечании это сравнивается с южным индийским храмом, посещённым Юнгом в 1937 году, где присутствовали непристойные скульптуры, чтобы напомнить обычным людям о сексуальности, поскольку как только они старались следовать духовному пути, Яма, бог смерти, мог немедленно свести их в могилу. Только человек, который изжил свою карму в этом отношении, в этом или предыдущих существованиях, предназначен для того, чтобы следовать по духовному пути. Итак, на вратах храма изображены две соблазнительницы, и лингам (фаллос) находится в самой глубине святая святых. Всё это было объяснено Юнгу в храме пандитом-тантристом (§339).

Часть 8

Последний раздел связан с неделимой точкой, монадой.

Моноим говорит об Океане, источнике богов и людей, как о единой монаде, несоставной и неделимой, однако составляемой и делящейся, любящей и находящейся в мире со всеми вещами, однако пребывающей с ними во вражде, похожей и непохожей на саму себя, так сказать, музыкальной гармонией, содержащей в себе всё. Символ завершённого человека – йота или мельчайшая частица. Эта одиночная частица (монада) является, однако, многоликой, тысячеглазой и называемой мельчайшей частью или йотой. Сын человека – единая точка, содержащая в себе всё. (Вышесказанное является очень сокращённым пересказом) (§340).

Юнг отмечает, что эта парадоксальная идея монады является описанием Самости мыслителем второго века н.э. (§341). Затем следует интересная параллель из Плотина (третий век н.э.), но я оставляю вам возможность прочитать её самостоятельно. (Точка в круге как образ Бога, как вы знаете, очень часто упоминается в книгах Юнга.) Идея вспышки (*искры*), которую мы хорошо знаем из алхимии и Мейстера Экхарта, подкрепляется затем примерами из различных гностических доктрин, а идея точки получает развитие в алхимии, где она имеет почти то же значение, что и в гностицизме (§344).

Глава заканчивается указанием на то, что мы можем видеть из этих размышлений, как образ Христа был усвоен с помощью символов, которые также актуальны и для царствия небесного. Христос и его царствие имеют один и тот же смысл. Этот факт подвергался критике как растворение личности Христа, однако критика игнорирует то, что это также представляет усвоение и интеграцию Христа в человеческой душе. Результат видим в формировании человеческой личности и развитии сознания. Увы, эти особые достижения в нашу антихристианскую эпоху находятся

под угрозой исчезновения, и не только из-за лжи тоталитарных государств, но прежде всего и в первую очередь из-за рационалистического высокомерия, которое отрывает сознание от его трансцендентальных корней и удерживает перед глазами цели, создаваемые эго (§346).

Глава 14. Структура и динамика Самости

Часть 1

Примеры, приведённые в последней главе, иллюстрируют последовательное усвоение и усложнение сознанием эго архетипа, который лежит под ним. Вместо того, чтобы увеличивать их число, Юнг старается подвести им итог в этой главе, чтобы составить, насколько это возможно, общую картину.

Ипполит ясно показывает, что гностики действительно были психологами. Они говорят, например, об огромной трудности обнаружения и постижения души и знания целостного человека. Климент из Александрии отмечает, в частности: «Таким образом, похоже, что знание себя является величайшей из отраслей знания, поскольку когда человек знает самого себя, он знает Бога». Моноим даёт прямой психологический совет, когда пишет Теофрасту, как найти Бога в себе, исследуя, кто или что заставляет человека делать те самые вещи, которые он делать не собирался (§347).

Можно найти в точности ту же самую идею в Упанишадах в таких утверждениях, как «Кто издаёт речь, которую мы произносим? Какой бог волнует глаз и ухо?» И даже: «Он есть твоя Самость, внутренний управитель, бессмертный» (§348).

Моноим, *возможно*, находился под влиянием индийской мысли, поскольку он назван «арабом», но его высказывания очень важны, поскольку они показывают, что уже во втором веке н.э. эго рассматривалось как составляющая всеохватывающей целостности – мысль, к которой пришли даже не все психологи до сегодняшнего дня. Эти прозрения демонстрируют напряжённое

внутреннее наблюдение и показывают, что гнозис, безусловно, является психологическим знанием и что его содержание происходит из бессознательного. Они достигали этого знания, сосредотачивая своё внимание на так называемом «субъективном факторе», который проявляется эмпирически в заметном влиянии, которое коллективное бессознательное оказывает на сознание, что объясняет любопытные параллели между гностическими символами и современными результатами психологии бессознательного (§350).

Перед тем, как проиллюстрировать эти параллели, Юнг кратко рассматривает факты, которые позволяют психологии предполагать существование архетипа целостности. Затем он углубляется в детальное описание мандал, основанных на круге и квадрате, что приводит его к имеющим геометрическую форму кристаллам и чудодейственной кости. Аналогии ведут к городу, замку, церкви, дому, комнате и сосуду – все эти символы подчёркивают, что это содержится в гораздо большей Самости, а следующий затем символ колеса отсылает к ритуальному обходу. Символ колеса сосредотачивает внимание на центре (вокруг которого вращается колесо) и может рассматриваться как точка. Этот символ связан с небесным полюсом и звёздным небосводом, вращающимся вокруг него, и с гороскопом как «колесом рождения» (§351).

Образы дома и сосуда приводят нас к его обитателю и жидкости (воды), содержащейся в этом сосуде. В отличие от геометрических и арифметических символов, человеческая фигура является самым обычным символом Самости в современном материале. Подобно тому как круг отличается от квадрата, позитивные человеческие фигуры (боги, богоподобные люди, великие мужчины или женщины, добрые родители и т.д.) контрастируют с негативными фигурами (демонами, поглощающими родителями и подобными), поскольку Самость, как и все архетипы, сочетает парадоксы и антиномии. Хотя в действительности вполне возможно, что

видимый парадокс является лишь отражением носящих характер энантиодромии перемен в сознательном отношении, которое, кажется, может иметь благоприятное или неблагоприятное влияние на целое. Наше отношение к нему влияет на бессознательное в целом, и разумно рассматривать противоречивые манифестации бессознательного в связи с нашим сознательным отношением. Нам не следует недооценивать ни сознательное, ни бессознательное, поскольку – в противовес тому, что может требовать сознание – есть слишком много доказательств автономности бессознательного для того, чтобы мы могли искать источник антиномий исключительно в сознательном уме. Одно влияет на другое, и есть своего рода «неустойчивое взаимодействие» между ними (§353).

Самость может проявиться в любом виде или форме, от высочайшей до самой низкой, и естественно, у неё есть также звероподобные символы. Наиболее частыми из животных образов в современных снах, по опыту Юнга, являются слоны, лошади, быки, медведи, чёрная и белая птицы, рыба, змеи, хотя иногда появляются также черепахи, улитки, пауки и жуки. Главными растительными символами являются цветы и деревья, среди неорганических символов наиболее часто попадают гора и озеро (§356).

Когда сексуальность недооценивается, Самость обычно появляется в образе фаллоса. Недооценка может заключаться в обычном подавлении или заметном обесценивании. Последнее – в некоторых приспособляющихся людях – вызвано чисто биологической интерпретацией и оценкой сексуальности, которая полностью упускает из виду духовные (или мистические) последствия полового инстинкта. Хотя они существуют как психический факт с незапамятных времён, тем не менее эти факты вновь и вновь подавляются и обесцениваются по рациональным и философским причинам. Во всех подобных случаях можно ожидать появления бессознательного почитания фаллоса в

качестве компенсации. Хороший пример можно найти в лице Фрейда, чей главный подход к психе в том виде, в котором он широко известен, связан с её рассмотрением сквозь призму сексуальности (§357).

Часть 2

Юнг подчёркивает, что наассены, как описывает их Ипполит, делали основной акцент на человеческих образах, и возвращается к символу, бегло упомянутому в последней главе, который Юнг для краткости называет кватернион Моисея, и в другом месте – к райскому кватерниону, связанному с четырьмя реками рая. Эти два связаны не только друг с другом, но и с более поздними алхимическими кватерностями, что можно представить в виде уровней следующим образом:

Позитивный Иофор – Мириам как позитивная анима
Моисей как культурный герой – Зиппора как высшая мать
Низший Адам как обычный человек – Ева как обычная женщина
Моисей как чувственный человек – эфиопская женщина
Иофор как языческий жрец – Мириам как негативная прокажённая

Теперь подчёркнутая гностическая кватерность, как мы видим на диаграмме («Эон», с. 227), включает только три высших уровня, где это по ощущениям несимметрично и ведет лишь вверх и таким образом к сенарию (шести). Но образы выбраны столь искусно, что мотив инцеста (столь подчёркиваемый в алхимии) не утрачен, и два низших (теневого) уровня намекают на библейский факт о том, что Моисей женился на эфиопянке (чернокожей женщине), и Мириам была столь взбешена, что стала прокажённой (негативной), и хотя Иофор не представлен в Библии негативно, однако он был мидианитским жрецом, не служил Яхве и оставил «избранный народ» ради того, чтобы уйти в землю свою. Он был очень мудрым и наиболее полезным для Моисея, и таким образом он предстаёт как нуминозная личность, архетипический

образ, который, как мы видим снова и снова, всегда имеет двоякую природу, позитивную и негативную. Итак, Моисей как культурный герой представляет светлую позитивную сторону своей личности и как муж тёмной женщины – свою собственную сексуальную тень, а Иофор как мудрый старик также имеет свою тень в виде чужеземца и языческого жреца, предположительно наделённого магическими и нечестивыми качествами (§358).

Этот гностический *кватернион* является разновидностью почти универсального перекрёстно-кузенного брачного *кватерниона*, для которого всегда характерен налёт инцеста (с. 361, см. также Юнг 1946, §410-449).

Затем Юнг соединяет уровни, упомянутые выше, в более детально разработанную диаграмму. (К сожалению, в более скрупулёзном английском издании слово «Человек» не поставлено просто и ясно между верхними и нижними четверичностями, открытыми полному напряжению, как это сделано в немецком издании. Выражения «Кватернион Антропоса» и «Теневой кватернион», которые на немецком появляются в тексте, но не на диаграмме, всё усложняют). Самой низкой точкой на этой диаграмме является не низший Адам, а змея, которая, согласно «Бытию», была создана до человека и была Наасом, который дал этим гностикам их название – наасены.

Юнг углубляется затем в теневой аспект метафизических образов в гностицизме, который так оскорбил правоверных отцов церкви, и подчёркивает, что хотя у змея есть позитивная сторона (мудрость), у него есть также негативный аспект, например, такие как змей Апофис в Египте (который каждую ночь старается поглотить ладью солнечного бога Ра), или дьявол, «древний змей», в христианстве. Затем Юнг приводит много интересного материала, с которым я предлагаю вам познакомиться самостоятельно (§366).

Часть 3

Весьма значимо, что гностическая философия получила продолжение в алхимии. Мать-Алхимия является одной из матерей современной науки, которая позднее дала нам бесподобное знание «тёмной стороны» материи, сделав предметом своего изучения самые основы человеческого существования. Человеческий ум столь глубоко проник в подлунный мир материи, что повторил гностический миф о Ноусе, который, ища своё отражение в расположенных ниже глубинах, прыгнул в них и был поглощен в объятиях физиса (если взглянуть фактам в лицо, в точности как мы сегодня). Юнг прослеживает это развитие и подчёркивает, что колесо истории повернулось на две тысячи лет назад и породило совершенно дохристианское возрождение деспотизма, недостаток личных прав, возрождение жестокости, унижения и рабства, при котором проблема рабочей силы решалась с помощью эргастула (рабовладельческого или концентрационного лагеря). Полная нравственная переоценка всех ценностей таким образом разыгралась на наших глазах (§368).

Это развитие событий, кажется, предвосхищалось в средневековом и гностическом символизме именно как явление Антихриста, о котором говорилось в Новом Завете. Это произошло, поскольку высший Адам соотносился с низшим, и эти старые мыслители, хотя сознательно в четверичности Антропоса они стремились к духу, никогда не забывали об инстинктивной склонности человека, которая уходит корнями в животное царство (то есть, в теневую четверичность). Самой низшей точкой этого царства является хладнокровная змея, которая, вопреки всем ожиданиям, оказывается двойником Антропоса. Она была в действительности символом Христа, наделённого дарами мудрости и духовности (§369).

То, что теневая *четверичность* имеет корни в животном царстве, было обнаружено очень рано. Уже Ориген сказал: «Итак, когда ты видишь, что у тебя есть все вещи, которые есть в мире, нет сомнения, что в тебе есть даже животные, которые принесены в жертву». Но поскольку тень у большинства людей бессознательна, её надир, змей, там, где возможность отношений прекращается, действительно представляет глубочайшее бессознательное (§370).

Низшая личность, тень, более не может на своём самом низком уровне отличаться от инстинктивности животного, которое обладает собственной необычной мудростью и иногда знанием, которое кажется для нас сверхъестественным. Это сокровище, которое охраняет змей или дракон, и вот почему, с одной стороны, это мудрость *per se* (лат. «как таковая»), а с другой – холодная, безжалостная, опасная недосказанность (§370).

В алхимии змей является символом *Mercurius non vulgi* (лат. «Меркурий не черни»), который соотносился с Гермесом, богом откровения. Оба они являются воздушными по природе, хотя Меркурий – хтонический дух, который пребывает в материи и выступает как часть изначального хаоса, *massa confusa* (лат. «нерасчленённой массы») (§371).

Райский кватернион представляет собой параллель к кватерниону Моисея, и здесь змей является воплощённым древесным духом и обычно традиционно изображается на дереве. Это голос дерева, который – по версии Лютера – убедил Еву, что «хорошо будет отведать от древа и приятно созерцать это вожденное древо» (§372).

Рай был также излюбленным символом альбеда в алхимии, восстановленным состоянием неведения и источником четырёх рек как символом их *aqua permanense* (лат. «вечной воды»). Для отцов церкви этим источником является Христос, и рай есть

основание души, из которой возникает четырёхчастная река логоса (§373).

Часть 4

Змей возвращает нас к образам рая, дерева и земли, что является эволюционной регрессией от царства животных к растениям и неорганической материи, загадочную тайну которой в алхимии символизирует ляпис. В данном случае, безусловно, он выступает в большей степени как исходный материал, поскольку ляпис является одновременно первичным и конечным продуктом алхимии (§374).

Юнг приводит затем другую двойную пирамидальную диаграмму с четырьмя реками рая на месте четырёх фигур, змеем наверху и ляписом внизу. Он подчёркивает, что ляпис является не просто аллегорией Христа, а прямой параллелью, Антропосом, поэтому надир этого райского кватерниона вновь является двойником Антропоса (§375).

Далее следует ещё одна двойная пирамидальная диаграмма, названная в английской версии «Кватернионом ляписа», в ней четыре реки (или четыре фигуры) заменены следующими четырьмя элементами: змей наверху – ляписом, а ляпис – ротундумом. В первоначальной стадии ляписа элементы не объединены, напротив, они враждебны друг другу, и задача алхимического опуса – восстановить единство ляписа в мире неорганическом и вызволить его из состояния разделения. Парацельс и его последователи называли это первоначальное состояние *prima materia* «несотворённым» и рассматривали его существующим вечно вместе с Богом, напрямую сравнивая его с землёй в «Бытии», которая «была безвидна и пуста, и тьма над бездною, и дух божий носился над водою» (Быт. 1: 2). Первичная материя является круглой, как мир и мировая душа. Согласно древним воззрениям, душа является круглой и сосуд, в котором

происходит трансформация, также должен быть круглым. Дорн говорит, что сосуд «должен быть сделан из своего рода квадратуры круга, чтобы дух и душа нашего материала, отделённая от его тела, могли поднять тело с собой к высотам его собственного неба». Анонимный автор схолий к «Tractatus Aureus» (лат. «Золотому трактату») говорит: «Сведи твой камень к четырём элементам, восстанови и соедини их в одно, и ты обретёшь полный магистерий. Это Единое, к которому должны быть сведены элементы, – тот маленький круг в центре этого квадрата. Это посредник, который устанавливает мир между врагами или элементами». Позднее он описывает этот сосуд как философского Пеликана (§376).

Дорн комментирует: «А является серединой, поскольку она была началом и источником, из которого истекают другие буквы, и подобна конечной цели, к которой подводят все другие, подобно тому как реки впадают в океан» (§378). Юнг отмечает, что этого объяснения достаточно для того, чтобы показать нам, что сосуд является мандалой, которая символизирует Самость, подобно высшему Адаму и его четырём эманациям или Гору и его четырём сынам. Поэтому Мария Пророчица говорит: «Философы учат всему, кроме герметического сосуда, поскольку он является божественным и скрыт от язычников мудростью Господа» (§378).

Эти цитаты – и многие другие, которые я опускаю – показывают нам, что сосуд имеет самое необычное и великое значение. Естественно, это может быть понято только «философски», то есть психологически, тогда это означало бы: «Сотвори герметический сосуд из своей психической целостности» и влей в него *aqua permanens* (лат. «вечную воду») и *aqua doctrinae* (лат. «воду вероучения»), это предполагало бы, что адепту следует «внутренне привести себя в порядок» и преобразить себя посредством алхимической доктрины (§379).

Юнг заканчивает эту часть, говоря о том, что круглый герметический сосуд, в котором происходит таинственная трансформация, означает Божество, (платоновскую) душу мира и целостность человека. Поэтому он вновь является аналогом Антропоса и в то же время вселенной в её самой малой и наиболее материальной форме. Это облегчает понимание того, почему при первых попытках создать модель атома за основу была взята солнечная система (§380).

Я хотела бы кратко прокомментировать слова Юнга о том, что алхимический сосуд – в психологическом понимании – означает нашу собственную целостность, в которую мы должны влить *aqua permanens* (лат. «вечную воду») или *vinum ardens* (лат. «пылающее вино»). Фактически это равнозначно обнаружению наших ограничений – поскольку каждый человек имеет свой уровень целостности – и дальнейшему вливанию психологического знания в этот сосуд нашей собственной индивидуальной целостности.

Каждый основополагающий анализ начинается с гипотезы о целостности человека, который ему подвергается. Эта гипотеза подтверждается вновь и вновь, поэтому аналитик учится доверять ей. Каждый сон является фактом, выражением этой целостности, и постепенно вливает в сосуд *воду* знания себя. Конечным результатом или целью является *сосуд* индивидуальной целостности, наполненный живым *осознанием*. *Vinum ardens* (лат. «пылающим вином») может быть названа интенсивная духовная жизнь. Чем более бессознательными являются люди, тем более занудным и скучным является их результат, но чем ближе они подходят к индивидуации, тем более захватывающим и виноподобным он становится. Это было изумительно видно в случае Юнга. Юнг, пребывавший рядом с ним, оказывал живительное воздействие, и практически все, кто знал его, отмечали этот факт.

Это действительно соответствует идее изречения, которое так часто цитировал сам Юнг: «Человек, если ты знаешь, что ты делаешь, ты благословен, но если ты не знаешь, то ты проклят как нарушитель закона» (Джеймс 1924, стр. 33, см. также Юнг 1938, §394).

Часть 5

Эта часть начинается с объяснения причин, по которым кватерность является организующей схемой *par excellence* (фр. «по преимуществу»), наподобие скрещенных нитей, используемых в телескопе. Число четыре интуитивно используется для деления земли (направления компаса), течения года (четыре сезона) и т.д. Поэтому неудивительно, что гностики использовали кватерность, более или менее сознательно, для того, чтобы утвердить некий порядок в хаотических и многочисленных образах, изливавшихся из бессознательного (§381).

Они использовали модель первобытного кросс-кузенного брака, но его чисто биологический характер перевели на более культурный уровень, то есть недостаток признаков родства был компенсирован – как это обычно случается – магическими качествами или благородным положением. Выражаясь психологическим языком, имела место проекция анимы и анимуса, которая включила бессознательное в брачные отношения, то есть брак стал психологически усложнённым. Он не является более чисто биологическим и социальным сосуществованием, а начинает становиться сознательными взаимоотношениями (§381).

Гностики также использовали, как мы видели, кватерность рек рая для того, чтобы соединить очевидно отстоящие друг от друга символы. Обе эти кватерности образуют близкую параллель к серии образов, которые всё ещё создаются в активном воображении и хаотических состояниях психики. Они являются

компенсирующим и упорядочивающим фактором в замешательстве, вызванном вторжением бессознательных содержаний, которые нуждаются в упорядочивающем принципе, в точности как содержания гностицизма и алхимии (§382).

Поскольку целесообразно рассматривать это исторически, Юнг говорит, что он использовал *кватернион* Моисея наассенов как отправную точку, поскольку он основан непосредственно на первобытной кросс-кузенной модели, но мог опираться на любой другой брачный *кватернион*, кроме, например, Гора и его четырёх сыновей, поскольку в нём упущено женское начало и потому он не представляет крайних противоположностей (§383).

Затем Юнг возвращается к двум *кватернионам*. *Кватернион* Антропоса соотносится с гностической моделью, но второй, теневой *кватернион* взят из библейского текста. Высший *кватернион* должен иметь тень, поскольку человек (низший Адам) обладает очевидной хтонической душой и потому не может быть выражен только *кватернионом*, который превосходит его (§384).

В точности как Антропос находит симметричное дополнение в низшем Адаме, низший Адам (человек) находит своё симметричное дополнение в змее. Выбор этого символа основан не только на их взаимных отношениях в Эдеме, но и на том, что змей является самым обычным символом тёмного хтонического мира инстинктов. И он также выступает как символ мудрости и с самого начала может перехитрить Адама. Змей, кажется, наделён Богом сверхчеловеческим интеллектом (§385).

Таким образом, человек достигает высшей точки в идее света, доброго Бога и оставляет внизу тёмный принцип, змея, который олицетворяет непослушание Адама. И змей вновь имеет своё дополнение во втором *кватернионе* наассенов. Рай переносит нас в мир растений и животных, сад, вдохновляющий животными и расцветом всего, что цветёт. Змей не только связан с Гермесом,

богом откровений, как *serpens mercurialis* (лат. «меркурианский змей»), но и вызывает «благословенную зелень» как древесный дух-покровитель. Этот змей присутствует даже в глубине земли и является духом, сокрытым в камне (§386).

Итак, симметричным дополнением змея является камень как представитель земли, и здесь мы переходим к дальнейшему развитию символизма, алхимическому ляпису. Точно так же, как змей образует низшую противоположность человека, ляпис дополняет змея. Но он вновь соотносится с человеком, поскольку не только часто представлен в человеческой форме, но и имеет «тело, душу и дух», является гомункулусом и символом Самости. Однако это не человеческое эго, а скорее коллективная душа, наподобие индийской хиранагарбхьи, золотого семени. Ляпис является отцом и матерью всех металлов, гермафродитом (§387).

Выбор этого символа также не случаен, мы находим его в алхимической литературе с первого по восемнадцатый века. Хотя он является «конечным единством», он всё же создан расщеплением и соединением четырёх элементов из ротундума. Ротундум выступает как весьма абстрактная, трансцендентальная идея, которая в силу своей целостности и округлости отсылает к Антропосу (§388).

Так наши четыре двойные пирамиды организуются в круг и образуют хорошо известный уроборос. Ротундум как пятая стадия затем отождествляется с первой, то есть тяжёлой темнотой земли, металлом, имеет тайную связь с Антропосом. Это очень наглядно представлено в алхимии, но мы также встречаемся с этим в истории религии, где металлы возникают из крови Гайомарта. Эти любопытные взаимоотношения объясняются идентичностью высшего и низшего, как мы уже видели в образе змея, который является хтоническим и одновременно «самым духовным животным». Для Платона ротундум является мировой душой и «благословенным Богом» (§389).

Часть 6

Юнг говорит, что он сконцентрирует идеи в последней главе и представит их графически.

Точка величайшего напряжения между противоположностями представлена змеем, который является аллегорией Христа, равно как и дьявола, и таким образом содержит в себе и символизирует сильнейшую полярность, в которую погружается Антропос, когда он нисходит в физис. Обычный человек не достигает этой точки напряжения, но оно есть в бессознательном, то есть в змее (§390).

В примечании Юнг подчёркивает, что большинство людей не имеет достаточно широкого уровня сознания для того, чтобы осознать противоположности в человеческой природе. Тогда напряжение остаётся бессознательным, но может проявляться и проявляется в снах. Но высвобождение бессознательной силы представляет собой опасность тем большую, чем более эта сила бессознательна. Поэтому чем сильнее разделение между сознательным и бессознательным, тем масштабней опасность психического заражения и массового психоза. Потеря наших символов разрушает мост, связывающий нас с бессознательным, и тогда инстинкт более не защищает нас от ложных идей и пустых лозунгов. Если рациональность не укоренена в традиции и инстинкте, она не может защитить нас от любой бессмыслицы (§390).

Вернёмся к основному тексту: противоположности соединены в ляписе, аналоге человека, но видимым объединением является символ гермафродита. В высшем Адаме и ротундуме противоположности не заметны, но, очевидно, они находятся в оппозиции друг к другу.

Расположение в уроборосе показывает более сильное напряжение между Антропосом, ротундумом и змеем, чем между человеком и ляписом, который виден вдали. Стрелки обозначают нисхождение в физис и восхождение к духу. Понимание того, что все эти символы являются антиномиями, содержится в парадоксальной природе алхимии (§391).

[Я хочу подчеркнуть, что можно также представить наши четыре диаграммы в виде круга, в качестве уробороса, поскольку в каждой из них содержится символ, который присутствует в следующей. Человек является низшим образом в кватернионе Антропоса и высшим в теновом кватернионе. Змей является низшим тенового кватерниона и высшим райского кватерниона. Ляпис является низшим райского кватерниона и высшим кватерниона ляписа. Когда мы приходим к началу и концу – вершине кватериона Антропоса и дну кватериона ляписа – мы осознаём обычный двойственный характер четвёртого, в котором он одновременно является ротундумом и Антропосом, но при этом оба они выступают как символ одного и того же – Самости.]

Изображение четырёх элементов из книги Михаила Майера далее рассматривается в деталях, но поскольку оно очень сложно и не является абсолютно необходимым для основной темы, я оставляю вам возможность изучить его самостоятельно и возвращаюсь к основному тексту, где Юнг говорит, что один из факторов кватерниона имеет необычное расположение, которое также может быть выражено его двойственной природой. Ефрат (одна из четырёх райских рек) обозначает, например, рот, в который входит пища и из которого исходят молитвы. В *кватернионе* Моисея жена Моисея играет двойную роль Зиппоры и эфиопской женщины, в алхимии Меркурий является мужским и женским. Эта особенность также может быть обнаружена в *кватернионе* пространства-времени, где есть три измерения пространства, а четвёртым может считаться время. Но у времени также есть три измерения (прошлое, настоящее и будущее), и тогда статичное пространство,

в котором происходят изменения состояния, должно быть добавлено как четвёртое. В обоих случаях четвёртое представляет несоизмеримое другое, которое нуждается во взаимном определении по отношению к остальным. Другое, четвёртое, появляется во всех четверичностях, которые мы рассматриваем, и четвёртым в христианской Троице, если можно так выразиться, является Мария или дьявол (§397).

Кватернион пространства и времени представляет собой архетипическое условие и возможность постичь физический мир в целом. Он соотносится по структуре с четырьмя физиологическими функциями. (Четвёртая подчинённая функция также имеет этот двойной характер, заключающийся в том, что эго не может использовать её из-за своей слабости и подчинённого характера, но, будучи использована Самостью, она приносит нам наиболее ценные дары (§398).

Затем Юнг отсылает читателя к мандале, воспроизведённой в его работе о мандалах (Юнг 1950b, с. 309), и далее говорит об изображении в рукописи Иоахима Флорского (Юнг 1951, с. 254a) и необычной теории сотворения мира в «Климентиновых проповедях», но я оставляю вам возможность изучить их самостоятельно.

В конце этой главы Юнг оглядывается назад на выбранное направление изложения основной идеи. Два кватерниона наассенов, положительный Моисеев и райский, были в начале. Один из них выше человека, а другой очевидно ниже его. Но когда гностики рассматривали человека в тесной связи с более высокой (Моисеевой) четвертичностью, они отделяли его от хтонического животного и растительного мира рая. Это особенность эпохи гностицизма и раннего христианства, человек тогда смотрел лишь вверх. Но мы не можем подниматься выше и выше, такое движение неизбежно приведёт вниз. Поэтому теперь мы чувствуем побуждение расположить низшего Адама симметрично

теневого кватерниону, соответствующему высшему кватерниону Антропоса. Это не было необычным во времена гностиков, когда присутствовала тенденция стремиться выше, но мы не можем более воображать себе, что психе устремлена лишь вверх, и знаем, что она должна быть уравновешена столь же сильным осознанием нашего низшего человека. Таково специфически современное положение дел, ставящее человека в центр сферы сознания, который он никогда ранее не занимал сознательно. Ранее он мог видеть лишь Христа как посредника между Богом и миром, но посредством медитации на этом образе он постепенно превзошёл свою роль медитирующего. Образ Христа, распятого между двумя разбойниками, один из которых направился вверх, а другой – вниз, постепенно пробудил человека к осознанию своей тени и её двойственной природы, которая уже была предвосхищена двойным значением змея. Подобно тому как змей несёт в себе силу исцеления и разрушения, а два вора обозначают две диаметрально противоположные участи, тень является, с одной стороны, прискорбной и предосудительной слабостью, а с другой – здоровой инстинктивностью, необходимой для высшего сознания (§402).

Теневая четверичность становится необходимой для того, чтобы уравновесить срединное положение человека, лишь тогда, когда он начинает становиться более осознанным в отношении собственного существования, и необходимость в большем осознании себя становится сильнее, чем его доверие к божеству. Мы завершаем картину теневой четверичности, поскольку она соотносится с историческим развитием. Рано завершившееся доверие к высшей пневматической сфере, когда человек просто цеплялся за неё, как ребёнок за мать, было поставлено под угрозу царством Сатаны, и ранняя надежда человека на спасение от этой опасности искупителем, который смог подчинить себе всё, была значительно усилена верой в скорейшее второе пришествие Христа. Но когда эта великая надежда была убита и человек оказался разочарован в своих огромных ожиданиях, некий регресс

стал неизбежен, и либидо неминуемо вернулось к человеку, усилив его самосознание. Постепенно это привело к отделению от высшей пневматической сферы и приближению к миру тени. Это усилило моральное сознание человека, и его чувство, что он искуплен, стало относительным. Церковь посчитала себя обязанной сделать огромный упор на значении и силе *своего ритуала*, чтобы установить границу натиску мира, но она таким образом неизбежно стала «царством мира сего». Переход теневой четверичности иллюстрирует историческое развитие второго тысячелетия н.э. (§403).

Часть 7

Мы подходим к седьмой и последней части четырнадцатой главы, где движение и динамика Самости становятся очень наглядными. Эта часть требует очень внимательного и неоднократного прочтения и она очень трудна для обобщения. Я лишь попытаюсь дать очень краткий и заведомо неполный обзор.

А означает первоначальное состояние (в данном случае Антропос) и конечное состояние. В, С и D означают промежуточные состояния. Мы не должны забывать о том, что это вопрос постоянной трансформации одного и того же вещества. А произведёт а, В произведёт b, и поскольку это психологическая формула, мы можем также полагать, что за а следует b и формула читается слева направо, то есть что трансформация ведёт направо к солнцу, процессу развития сознательности. Современное научное мышление основывается на троичном принципе (время, пространство и причинность), но здесь мы следуем не современной научной мысли, а классической и средневековой точке зрения, которое вплоть до времени Лейбница признавало принцип соответствия, который Юнг называет синхронистичностью, в качестве четвёртого принципа. Наша гностическая четверичность является естественным продуктом бессознательного и потому представляет собой психический факт,

который может быть связан с четырьмя функциями сознания (§404).

Формула воспроизводит ключевые особенности символического процесса трансформации. Она показывает вращение мандалы, антитетическую игру взаимодополняющих (или компенсаторных) процессов и затем апокатастасис, то есть восстановление изначального состояния целостности. Но она может лишь намекать на более высокий уровень, который достигается с помощью процессов преобразования и интеграции. Развитие предполагает развёртывание целостности четырьмя путями, четырьмя способами, это означает, что они подвергаются распознаванию четырьмя функциями, и именно последние преобразуют изначальную бессознательную целостность в сознательную (§410).

[Это объясняет вновь и вновь встречаемое нами при анализе убеждение, согласно которому не достигается ничего, анализирующий возвращается к исходной точке. Ему следует вернуться, чтобы, так сказать, воспринять её с помощью другой функции, но это возвращение является частью процесса преобразования, а вовсе не неизбежным регрессом.]

Мы также можем представить это как Антропоса. А нисходит из высшего через свою тень В в физис С (змея) и затем – через своего рода процесс кристаллизации D (ляпис), который приводит хаос к порядку – Антропос вновь возвращается к своему первоначальному состоянию, которое теперь преобразовано из бессознательного в сознательное (§410).

Я хочу вернуться к отрывку, который я уже цитировала во введении, поскольку его смысл гораздо более ясен в данном контексте.

«Формула представляет символ самости, поскольку самость не просто постоянная величина или статичная форма, а является также динамическим процессом. Подобным же образом древние видели *imago Dei* (лат. «образ Божий») в человеке не просто как оттиск, нечто безжизненное, шаблонный отпечаток, но как активную силу. Четыре трансформации представляют процесс восстановления или омоложения, имеющий место, так сказать, внутри самости и сравниваемый с углеродно-азотным циклом, происходящим на солнце, когда углеродное ядро захватывает четыре протона (два из которых немедленно становятся нейтронами) и освобождает их в конце цикла в виде альфа-частиц. Само углеродное ядро выходит из реакции неизменным, «подобно Фениксу из пепла». Тайна существования, т.е. существования атома и его компонентов, может таким образом состоять в постоянно повторяющемся процессе обновления, и можно прийти к аналогичным выводам, пытаясь объяснить нуминозный характер архетипов» (§411).

Юнг подчёркивает, что он полностью осознаёт крайне гипотетический характер данного сравнения, но считает, что лучше рискнуть ошибиться, поскольку рано или поздно ядерная физика и психология должны сблизиться в силу того, что они с разных направлений продвигаются к территории трансцендентного, одна – с концепцией атома, другая – с идеей архетипа (§412).

Психе не может быть полностью отличной от материи, иначе как бы она могла приводить материю в движение? И как бы могла материя произвести психе? Они существуют в одном и том же мире, и каждая должна пользоваться другой (§413).

Поскольку формирование аналогий является законом, который в значительной степени управляет жизнью психе, мы можем ожидать, что наше чисто гипотетическое построение является не новым изобретением, а может быть обнаружено в более ранней мысли. Юнг кратко говорит затем о подобной схеме в «Книге

псевдоплатоновских тетралогий», которой он касался гораздо более подробно в «Психологии и алхимии» (1944). Я оставляю вам возможность поискать её там самостоятельно.

Далее Юнг говорит о древнем искусстве геомантии или гадании по точкам, в котором также есть аналогичное построение. Вы найдёте гораздо больше материала об этом в статье «Синхронистичность» (Юнг 1952b).

Затем рассматривается четверичная система Атанасиуса Кирхера, из анализа которой я хочу процитировать лишь последнее предложение: «Вы можете видеть из этих единств, как воспринимающие чувства возвращаются к причине, причина – к разумности, а разумность – к Богу, где в совершенном круге обнаруживается начало и завершение» (§417).

После другого примера из Михаила Майера Юнг упоминает, что подобная идея кругового опуса может быть найдена в китайской алхимии и приводит цитату из текста «Золотой цветок»: «Когда свету позволено двигаться в круге, все силы небес и земли, Света и Тьмы кристаллизуются» (§418).

Круговое приспособление для того, чтобы передать этот круговой процесс, появляется уже у Олимпиодора (второй век н.э.), и Дорн считает, что это «круговое движение физиохимиков» происходит от земли, самого низкого элемента. Мы также находим эту базовую идею восхождения и нисхождения в *Tabula Smaragdina* (лат. «Изумрудной скрижали»), и стадии трансформации вновь и вновь описываются в алхимических текстах, например, «Свитке» Рипли. Всех их следует рассматривать как косвенные попытки изобразить всё ещё остающийся бессознательным «процесс индивидуации».

[Я хочу лишь отметить здесь, как предупреждала вас в начале, что я использую термин «*процесс индивидуации*» довольно скуп

постольку, поскольку этот процесс всё ещё остаётся бессознательным почти во всех наших примерах. Тем не менее всё, чего мы коснулись, всегда имеет одно и то же основание – то, что мы называем сейчас процессом индивидуации.]

Глава 15. Заключение

Мы подошли к концу нашей долгой, трудной и – во всяком случае для меня – очень полезной книги.

В заключение Юнг ещё раз резюмирует цель написания своей книги, которая заключается прежде всего в том, чтобы истолковать и детально описать самые важные из архетипов для современного человека, чтобы понять архетип Самости или, иными словами, процесс индивидуации (§422).

Во введении он напоминает читателю, что описывает архетипы, которые встречаются при любом анализе, который хоть сколько-нибудь проникает вглубь поверхности, первым из которых является тень. Юнг по-разному выражается о тени и о фигурах, стоящих за ней, что я нахожу в известном смысле поучительным. Я могу только подтолкнуть вас к тому, чтобы вы внимательно прочли его самостоятельно, если вы этого ещё не сделали, поскольку моего скупого обзора здесь явно недостаточно (§422).

Если выражаться очень кратко, он подчёркивает, что тень при поверхностном рассмотрении является недостатком света в той же мере, в какой ей является физическая тень тела, когда мы анализируем её, то обнаруживаем в значительной степени самостоятельные фигуры анимуса и анимы. Когда мы исследуем эту пару в полную силу – слепые демонические мнения в женщине и чарующую, но ревнивую соблазнительницу, которая производит капризы и невероятную сентиментальность в мужчине – мы начинаем сомневаться в *нашем обычном повседневном опыте* относительно того, в самом ли деле бессознательное является лишь простым несущественным придатком сознания и не более чем потерей света и добра. (Это, конечно, не ощущается так, когда происходит борьба с собственным анимусом, и я сомневаюсь, что кто-либо, кто *действительно* старался сделать

это, испытывает сомнения в его чрезвычайно самостоятельной реальности).

Если кто-то придерживается мнения, что *человеческая* тень является источником всякого зла, он будет удивлён, когда обнаружит в ходе анализа, что она содержит также много хороших качеств, то есть естественных инстинктов, нормальных реакций, реалистичных прозрений и творческих импульсов. На этой стадии зло кажется деформацией или искривлением, искажением естественных фактов анимусом или анимой. Затем человек склоняется к мысли, что эта пара является подлинным побуждением ко всему злу, но он не может преждевременно остановиться на этом понимании, поскольку оказывается, что все архетипы имеют светлую и тёмную стороны, и сама Самость оказывается *complexio oppositorum* (лат. «соединением противоположностей»), поскольку подлинность невозможна без полярности. Мы не знаем, чем являются добро и зло *в себе*, возможно, они просто возникают из потребности человеческого сознания и утрачивают свою ценность вне человеческой сферы. Но если всё, что Бог делает или чему позволяет быть, является «добром», тогда зло также должно быть добром, и противопоставление становится бессмысленным, однако в любом случае страдание остаётся, и на радостное великолепие жизни, безусловно, брошена тень глупости, греха, болезни, старости и смерти (§423).

Познание анимуса и анимы кажется по большей части делом психотерапевтов. Тем не менее у любого, кто изучил просветительскую литературу, не будет трудностей в распознавании анимы, поскольку она является любимым объектом изображения романистов, особенно на западе Рейна. Не всегда необходима интерпретация снов для того, чтобы открыть её существование человеку. Анимус более сложен, имя ему легион. Но если внимательно и объективно изучать других людей, это не поможет увидеть, как часто они ревнивы. Гораздо более уместно,

однако, изучить себя, поскольку это то место, где можно что-то с этим сделать (§424).

На этот счёт есть в частности проясняющий пассаж в «Психологии и алхимии»:

«Не имеет значения, сколь много родители и бабушки и дедушки будут грешить против ребёнка, человек, который действительно является взрослым, примет их грехи как своё собственное состояние, с которым следует считаться. Только дурак интересуется виной других людей. Он спросит себя: «Кто я такой, что всё это должно было со мной случиться?» Чтобы найти ответ на этот судьбоносный вопрос, он заглянет в своё сердце» (Юнг 1944, §152).

Хотя сначала мы почти всегда встречаем аниму и анимуса в их негативной и неприятной форме, они имеют по меньшей мере равноценный позитивный аспект. С давних времён они создают основу всех мужских и женских божеств, и как нумены они работают то для добра, то для зла. Они являются высшей парой противоположностей, разделённой их противоположным полом и природой, но они также исполнены обещания союза в силу их взаимного влечения друг к другу. Стадия анимуса и анимы связана с политеизмом, а стадия Самости – с моногамией. Естественный архетипический символизм описывает целостность, которая включает свет и тьму, и хотя это в какой-то мере противоречит христианской точке зрения, в случае позиции иудеев и яхвиста это не так. Последняя, кажется, ближе к природе и таким образом лучше отражает подлинный опыт. Но тем не менее нам не следует забывать, что манихейский дуализм был смертельной опасностью для ранней церкви, и что по крайней мере христианские еретики никоим образом не забывали природные символы, и мы находим, как мы видели, много природных символов, которые используются как в отношении Христа, так и в отношении дьявола,

но даже самые важные из них имели мало или вовсе не имели влияния на церковную догму (§425).

Самые плодотворные ранние попытки найти подходящие символы для Самости, однако, были сделаны гностиками. Большинство из них – например, Валентин или Василид – были просто богословами, которые, в противовес крайним ортодоксам, позволяли себе испытывать влияние собственного внутреннего опыта. Поэтому гностики и алхимики являются источником информации, относящейся ко всем этим символам, которые возникли как отражения христианского послания. Кроме того, их идеи представляют собой компенсацию асимметричному образу Бога, выраженному доктриной *privatio boni* (лат. «лишения добра»), в точности как бессознательное в наше время проявляет символы целостности, чтобы преодолеть разрыв, образовавшийся между сознанием и бессознательным, который достиг такой опасной степени, что угрожает полной дезориентацией или даже разрушением нашего Weltanschauung (нем. «мировоззрения») (§428).

Юнг заканчивает книгу, говоря о том, что прекрасно сознаёт, что эта книга является всего лишь очерком некоторых христианских идей с точки зрения психологического опыта и подчёркивает, что она нисколько не претендует на то, чтобы сказать последнее слово по данному вопросу в каком-либо смысле. Поскольку его главной целью было подчеркнуть параллели или различия между эмпирическими находками и традиционной точкой зрения, мы неизбежно должны были бы рассмотреть различия в языке разных времён. Это особенно касается символа рыбы. Здесь исследователь неминуемо оказывается на неизвестной земле и вынужден время от времени прибегать к умозрительным гипотезам или попыткам установить взаимосвязь. Очевидно, каждому исследователю следует документально подтверждать свои выводы столь тщательно, насколько это возможно, но ему следует также отваживаться выдвигать гипотезы, даже если есть

риск совершить ошибку. Ошибки обычно являются основанием для истины, и если человек не знает, что представляет собой та или иная вещь, росту его понимания будет способствовать по крайней мере знание того, чем она *не* является.